

СОЛДАТСКИЕ СЫНЫ

(Иван и Роман)

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка – присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толщей.¹

В одной деревне жил мужичок, по бедноте не было у него ничего; весной он оженился, а осенью помещик сдал его за богатого мужика в службу.

Ну, как он бедняк, его отправили подальше. Денег у него не было письмо домой написать – где он находится; жена его не знала, куда писать.

Прожила она несколько время и родила без него двух сынов. Эти сыны росли не по годам, а просто по часам.

Годов через пять, как она в бедности жила, она пошла к старосте и попросила:

– Староста, – говорит, – нельзя бы, – говорит, – устроить моих сынов в школу, так что я средства не имею (а раньше учителям платили).

135

Староста сказал;

– Ну, как-нибудь устроим, эго дело!

Вот начали ребята ходить в школу. Один звался Иван, а другой Роман, и они были оба волос в волос, голос в голос, что не разберешь, какой из них Иван, какой Роман.

Проходили они зиму. Проходили они вторую. На третью зиму стали ходить в школу обратным путем. Там богатого отца, старастовы, сотниковы сыны ходят – отцовские дети, а

¹ Старая, традиционная присказка.

они как бы бавструки были. Их и начали ребята подталкивать:

– Эх, вы, бавструки.

Как выйдут они на прогулку – один пихнет, другой пихнет, а им жалиться некому, и называют их бавструками (незаконно, будто, рождены).

Однажды они приходят домой и спрашивают у своей матери:

– Мамаша! – говорят.

– А что, сынки?

– Почему нас называют бавструками?

Она отвечает:

– Вы не есть бавструки, а ваш отец служит уже шесть лет (раньше служили по двадцать пять лет), его помещик сдал вне очередь на службу.

На утро они отправляются в школу. Вот урок у их прошел, отпустили их погулять на улицу. Ребята обратным путем подталкивают их и называют бавструками.

Иван и говорит Роману:

– Эй, брат Роман, мы есть солдатские сыны, а не то что бавструки. Они нас бавструками называют. Давай-ка расправимся мы с ими.

Вот Иван которого не хватит за руки – рука прочь, хватит за голову – головы нет. Так что

которые были побойчей, те попали, а послабже сбежали. Они собрали шапки, приходят к школе. Роман поднимает угол школы, а Иван кладет под угол шапки.

Роман и говорит:

– Теперь пойдем до учителя, он тоже напрасно линейкой бил нас.

Пришли к учителю, учитель стал на колени и начал просить:

– Простите мне, наша должность такая.

– Ладно, мы тебя прощаем.

Учителя они не тронули, а сами отправились домой.

Приходят они домой. Мать у их спрашивает:

– Вы чего так рано пришли?

– Да мы там немножко подкачали.

– Как?

– Да так: стали называть нас бавструками, ну, мы распорядились, у которого руки нету, а у которого головы нету.

– Что же вы наделали!

– Ничего, – отвечают они.

– Теперь нас помещик убьет.

– Это как придется, – они отвечают.

Мужики собрали сходку, что с этими бавструками делать.

Призвали помещика и позвали ихнюю мать на сходку.

Когда там советывались, начал учитель сказывать, что они большую силу имеют, их не уничтожишь никаким образом.

Помещик и задумался, что сделать над ими.

– Мы скажем: пущай мать их прорубит пролубу и пустит их под лед.

137

Это ей помещик и сказывает:

– Ты ступай домой, проруби пролуб и пихни своих сынов в воду, а если ты этого не сделаешь, то мы тебя туда впихнем.

Она, бедная, заплакала и пошла домой. Идет и плачет, а они с нетерпением дожидаются своей матери, что там на сходке скажут ей. Вот встречаются мать. Мать плачет.

– Ты чего, мать, плачешь?

– А вот, сказал помещик, чтобы я прорубила пролуб и вас пустила под лед.

– Так. Ну, так воротись, мать, назад и мы пойдем с тобой. Мать воротилась назад.

Идут они втроем.

Сыны сказывают;

– Ты, мать, иди в избу, а мы постоим под окошком, и скажи помещику толстобрюхому: „толстобрюхий чорт, меня сыны прислали сюда“.

Она так и сделала. Помещик сгорел:

– Как ты имеешь право называть меня так?!

– А как же ты имел право сказать, чтоб я прорубила пролуб и пихнула своих детей. Так вот они сказали, чтоб завтра к двенадцати часам за ночь были сделаны буловы по двадцать пять пудов весом из мягкого железа.

Помещик тут закусил свой язык. А сыны уперлись с улицы в стенку, стенка проломилась и они вошли в стенку.

Тут помещик стал их просить:

– Простите меня, сделаю я вам буловы, к завтрашнему дню будут готовы.

– Ну, смотри, а то на одну твою ногу станем, а другую разорвем.

138

Помещик отправился поживей в свое имение, заставил кузнеца выкатывать эти буловы с ручками. Так что помещик не мог до двенадцати часов сделать, то он приехал к солдатским сынам и стал просить хоть на двое суток отложить.

– Ну, ладно, давай. Но чтоб за двое суток готовы были буловы, а ты, толстобрюхий чорт, выкати бочку вина на

деревню и зарежь трех коров и делай этим ребятам поминки, которых мы подавили, и это чтобы было сегодня устроено.

Помещик сказал:

– Рад стараться, все будет.

– Мы придем проведать.

– Пожалуйста, не то в деревню, хоть ко мне придете, и я там угощу вас.

– Ну, мы к тебе не согласны итти, мы здесь будем поминать.

Помещик уехал и живо в деревню приставил вина бочку и три коровы привел в живых.

Иван и Роман не искали ножей, а целиком сорвали кожи с этих коров и сказали:

– Ешьте, и поминайте этих ребят, которые называли нас бавструками.

Сами они отправились домой.

– Ну, иди и ты, мамаша, на угощение туда и послухай, что будут сказывать там.

Мать отправилась. Ну, тут уж худого ничего никто напротив не сказал. Мать угостилась и пришла домой.

– Ну, как, мамаша, там?

– Да все благополучно. Все одобряют вас, никто не ругает.

А они сказали:

– А-а-а...

139

Прожили три дня, помещик привозит им буловы и говорит:

– Нате, молодцы, ваша просьба сделана.

Схватывает Иван буловку свою и говорит:

– Легковата! Здесь нет двадцати пяти пудов.

А Роман сказывает:

– Должно быть!

– А попробуй-ка ты взять.

Роман тоже схватил.

– Да, пожалуй что и нету.

– Ты что ж делаешь так, толстобрюхий. Тебе сказали по двадцати пяти пудов, а ты по шестнадцати.

– Нет, вы попробуйте, солдатские сыны (уже солдатскими сынами называет). Если не верите, я сам видал, что вешали, даже лишнее есть, чем двадцать пять пудов.

Они стали играть буловами, подбрасывают вверх, ловят и опять играют.

Помещик стоит и боится двинуться.

– Ну, ладно, буловы готовы. Будем верить твоему слову чертовскому. Теперь тебе задачу даем мы: выкатить тоже бочку сорок ведер вина на эту деревню, чтобы знали все христиане, что мы пойдем искать своего отца, и смотри, когда угостятся, чтоб нашей матери давал мяса, мягкого хлеба (чтоб черствого не ела мать) и прислугу матери. Что ей понадобится, чтобы живчиком было приставлено, а если не будет приставлено, мы вернемся, то тебя и живого не пустим.

Помещик сказал:

– С большим удовольствием будет приставлено все, что ей надо. Не то пущай покидает свою деревенскую избу и идёт в мою комнату, будет ей

тут прислуга постоянно подавать все. Пусть пьет и ест, что ей хочется.

– Ну, смотри теперь, толстобрюхий чорт (они добром его не называют), смотри, как у нас буловы засвистят. Куды буловы засвистят, туды мы пойдем.

Иван был вроде старше.

Роман и рассказывает:

– Ну-ка, брат Иван, пусти-ка свой гостинец.

Иван схватил свою булову и пустил – все равно что с орудий стукнуло, заучило и из виду скрылось.

– Ну, давай, теперь я пушу.

Роман схватывает свою булову и пустил, что это заметно – и эта булова пошла куда-та (пошла).

Они попрощались с матерью и с помещиком – толстобрюхим чортом.

– Ну, и до свиданья, – сказали они.

Вот и пошли этим следом, куда буловы полетели.

Шли они может быть день, два. Вот входят они в один лес и смотрят на вершинах, когда буловы летели, так сучья отлетели.

– Это, – говорят, – наши гостинцы летели.

Проходят они лес, видят поле. На поле стоит большой дом и обнесено оградой высоко, и ограда, как на тюрьмах, что острые штыки тесаны, и видят, что на каждом колу торчат человеческие головы, а два столба стоят, на которых головы нет и около столба лежат их две буловы.

– Вот дошли, – говорят, – до конца. Гостинцы наши здесь. Для гостинцев, видишь, и место свободное, наверно, наши головы повесят тут. Делать нечего, надо спросить.

141

Хватают они свои буловы в руки, добираются до двери. На двери замок был крепкий, двери крепко были закрыты.

Вдруг с той стороны слышат открываются двери. Когда дверь открылася, то выходит старуха и говорит:

– Эх, солдатские сыны, рано вы пришли. Пусть вам было бы лет по пятнадцать, а вам всего по восемь лет, и вы пошли

в такую атаку. Жалко мне вас, не трогайте своих булов здесь. Поставьте на это место, где они были, мой сын ожидает вас уже три дня. Ступайте за мной, – сказала старуха, – я знаю, что вы с дороги, вы кушать хотите.

– Да, бабушка, хочим.

– Ну, кушайте поживей, а то скоро придет сын мой, так он вас сгубит.

Она их накормила и видит – сын идет. Она их взяла, ударила одного по головы и другого, и сделала их палками и поставила за шкаф. Открывает сын-Змей двери и говорит своей матери:

– Мамаша, что, – говорит, – русь-кость пахнет.

Мать отвечает ему:

– Ты по Руси летал, нанюхался русской кости, то тебе отдает в избе русской костью.

– Давай поести.

Старуха дала Змею-сыну кушать. Он покушал и говорит матери:

– Коли придут солдатские сыны сюда, то ты их удержи.

– Хорошо, сынок, задержу.

– А я, – говорит, – полечу.

– Ну, лети, – сказала она.

Змей улетел. Она берет эти палки, ударяет их и они делаются как и были.

142

– Слыхали, – говорит, – вы, что сказывал?

– Да, бабка, – говорят, – слышали.

– Так это сын мой.

– Слышали, бабка.

– Вот теперь я дам вам загадку. Не загадку, а просто службу сослужите мне.

– Мы рады стараться, бабка.

– Ну, ступайте за мной.

Они пошли за бабушкой.

Она одному дает лопату, другому топор и ведет их на земляную гору, и на этой горе стоял дуб вершков двадцать толщины, а под этим дубом стоял склеп. В этом склепе за дверьми два богатырских жеребца стояли. (Они этого не знали, что тут есть).

Бабушка привела их, сказала:

– Вы этого дуба изрубите и коренья вытягните и тогда придите за мной и поживей старайтесь, чтоб сын не наскочил.

Роман тукнул топором – корень сразу слетел. Второй раз тукнул по другому корню – корень слетел и топорище улетело.

– Что ж мы ломаем, давай попробуем так.

Они подклали свои руки к этому дубу, то дуб пошатнулся.

– А давай-ка, „Дубинушку“ запоем.

– А как же петь?

– А ты слышал, как мужики запевают „Дубинушку“, когда тяжелый груз тянут?

– „Ох, дубинушка, охни, зеленая сама пойдет“... „Ура!“

Крикнули ура, хватили – дуб полетел.

– Видишь, дубинушка пособила.

143

– Ну, ты, Роман, бежи к бабушке, а я остатки коренья выдерну.

Роман побег к бабушке, а бабушка только домой пришла.

– Бабушка, да у нас дуб готов.

– Вот, молодцы, ребята, – сказала баба. – Я думала часа на три вам хватит, а я только дверь отворила, а ты за мной. Ну,

пойдем же, беседовать некогда, – сказала баба.

Когда пришла бабушка сюда, то Иван уже коренья выдернул и почти землю выкопал до дверей. Она и рассказывает:

– Вот, солдатские сыны, здесь стоят две лошади богатырей. Они принадлежат вам. Когда двери откроем, жеребец выскочит, то ты крикни: „Стой, пёсье мясо, передо мной, не ты будешь владеть мной, а я тобой“.

Они так и сделали. Тогда лошадь остановилась и поклатила голову на Ивана – солдатского сына. Так взял и Роман свою лошадь. И одела она им богатырскую одежду, и дала им мечи по двадцать пять пудов, и говорит им:

– Теперь вы отправляйтесь в дорогу. Когда приедете вы к морю, то пустите своих лошадей погулять на воздухе, и они от вас никуда не пойдут. Ну только спать не ложитесь у моря, а то мой сын будет лететь и увидит коней и вас, и вы будете спавши, вы будете побижены, а если не будете спать, то он с вами ничего не сделает, не осилит он вас двоих, и вы его живого не пускайте.

Они пустили своих коней и начали играть в мячик, чтоб не заснуть. Немного поиграли в мячик, вдруг является Змей шестиглавый.

144

– Да, старый чорт, я собственно слышал, что русь-кость пахла в избе. А она мне ответила, что „по Руси летал и русь-кость нанюхалась, так тебе везде сдается“. Все равно вы от меня не уйдете!

Братья схватили свои шашки, и явились мигом ихние лошади.

Иван срубил две головы Змею и Роман две, а у Змея уже две нарастает головы опять. Они еще по головы срубили, а у

Змея еще выросли три. То одна лошадь поднялась на дыбы и Змею на плечи взвалилась, а другая по боку ударила копытами и Змей свалился, и лошади притисли Змея ногами (вот лошади-то!). Они остатки дорубили головы, и на куски его порубили, и наклали костер дров, и бросили его в огонь, а сами сели на лошадей и уехали.

Ехали они мало, где остановятся, сами делают шатер себе с холста, лошадей пускают на божью волю. Утром прочинаются и лошади к ним являются. Седлают лошадей и в путь дорогу выезжают.

Вот едут дорогой – стоит столб и две дороги лежат, написано на таблице:

– Кто поедет правой стороной, тот будет сыт и богат, а левой стороной – неизвестно, что будет.

Они стали и прочитали и говорят сами с собою:

– Какие же мы есть богатыри, что мы вдвоем ездим вместе, придется нам разделиться. Одному ехать в правую, другому в левую и сделать такой договор, что если вот такого числа не сойдемся где-нибудь, то должен воротиться на это место, на

145

котором мы разъехавши, и ехать тем следом, куда он поехал. Ну, и вот, как мы теперь? Кто же из нас поедет по правую, кто по левую?

Роман говорит:

– А давай кинем жеребий, то обижаться не будем друг на друга.

– А какие жеребия мы кинем здесь?

– А вот стоит куст ореховый: слезем с лошадей, выломим себе вичку¹ и станем мериться, кого рука будет на верху,

¹ Прут.

тому ехать в правую сторону.

Роман выскакивает, ломает вичку, подносит Ивану и стали мериться. Иванова рука оказалась наверху.

– Вот тебе, брат Иван, ехать в правую сторону, а я поеду в левую. Проездим месяц, если я не буду, то ты ворочайся, ищи меня, а если тебя не будет – я вернусь на это место и поеду искать тебя.

Они распростились и уехали.

Ну, а теперь мы бросим Романа, а возьмемся за Ивана.

*

* *

Вот Иван мало-немного проехал – по правой стороне стоит избушка на куриной ножке и к лесу дверями, а к дороге стенами. И он подошел к избушке. Как не подойдет – избушка вертится, все попадает стеной к нему, а он и крикнул:

– Избушка, стань к лесу стенами, ко мне дверями.

Избушка стала к ему дверями. Он открывает двери, там сидит мужичок, сам маленький – до потолка, голова в пивной котел и говорит ему:

146

– Ну, спасибо, Иван – солдатский сын, что ты заехал ко мне. Есть у меня для тебя попить и поесть, но жалко, что для лошади нету корма. А второй раз будешь ехать, я приготовлю для лошади твоей.

Иван – солдатский сын поблагодарил старика за то, что он его угостил.

– Ну, вот, я даю тебе подарок, Иван – солдатский сын, знаю, что вы с бедного состояния, у вас ниоткуда чего взять, то вот тебе мой старый кошелек на, понадобится тебе деньги, то ты стряхни кошельком, – сколько надо, столько ты и

возьмешь (вот кошелечек-то!) и в другой раз заезжай, не забывая меня.

Иван поблагодарил старика и поехал дальше.

Приезжает Иван в город (так, как в Ленинград), где жил государь. Заезжает в гостиницу, снимает номер в гостинице (денег хватит у его!) и нанимает сарай для лошади. Проживает он день в гостинице этой, ну и второй, может быть и третий, там неизвестно уж.

Утром просыпается: что-то жалобные¹ флаги вывешены и он спрашивает у хозяина:

– Хозяин, что у вас такое, вывешены траурные флаги?

– Молчи, молодой человек, это у нас несчастье здесь в городе.

– А что такое?

– Да царю Змей прислал шестиглавый письмо, чтоб государь прислал свою дочку на поедание Змею, а если государь не пошлет, то он все царство

147

сожжет. Так это и жалобные флаги вывешаны. А у царя дочка одна.

Иван выслушал его разговор и говорит ему:

– Ты, хозяин, засыпь моему коню порцию овса и подай мне порцию еды.

– Сейчас, молодой человек, сей минутой сделается.

Иван покушал и говорит хозяину:

– Хозяин, я уеду на охоту.

– Ну, поезжай.

Он отправился на охоту.

Приезжает к морю, а там государева дочь была в беседку прикована цепями. Он ей говорит:

¹ Траурные.

– Здравствуй, прекрасная царевна!
Она думала, что это Змей такой красивый.
– Еще ты называешь меня прекрасной царевной, а приехал меня поести.
– Нет, – говорите – я не Змей.
Скинул шапку, перекрестился,
– Я приехал сбавить тебя. Сбавлю или нет – а все-таки попробую.
Сорвал ей цепи и бросил в море.
Вдруг выходит Змей из моря и говорит ему:
– Да, государь милостлив. Я требовал одну, а он прислал трое. Будет выпить и закусить.
– Может закусишь, а может подавишься.
Змей засмеялся:
– Такого противника у меня нету и близко, а есть в некотором царстве, в другом государстве два солдатских сына, так они еще молоды, им только по девять лет. Так их сюда ворон костей не занесет.
А он отвечает:
– Ворон костей не заносит, а сам добрый молодец приходит.

148

Он спрашивает:
– Ты, Иван – солдатский сын, аль Роман? Так ты моего дядю ушлепал?
– Да, – говорит, – я.
– Это тая проклятая вам лошадей дала. Ну, ладно, я все-таки с тобой справлюся.
– А посмотрим, – он отвечает, духом не падает.
– Ну, Иван, что ж, будем биться аль мириться?
Иван отвечает:

– Не приехал мириться, а приехал побиться? Кому достанется государская дочь: мне, али тебе.

– Давай, – говорит.

Иван как рубнул – три головы слетело со Змея, а Змей как ударил, Иван по колен в землю вшел. Иван срубил еще две головы. Змей его вбил в землю по пояс.

Иван и говорит ему:

– О, Змей, мы бьемся, деремся, цари и короли бьются и то отдышку делают, а мы с тобой не отдохнем, за какую-то королевну бьемся.

У Змея еще две головы вырастает.

– Ну, давай, отдохнем (Змей надеется, что у него голов прибавится, а Иван надеется, что из земли выберется).

Иван выбрался с земли и стал на крепкой почве и говорит:

– Мы уже отдохнули.

И опять мечом ткнул его. Остается у Змея одна голова (головы не успели вырасти). Змей его ударил, но глубоко в землю не вбил. Змей ему и говорит:

– Последняя голова осталась. Хотя ты молод, да умен (Змей видит, что обдул Иван). – Теперь вижу, что я погиб, – Змей уже сознается.

149

Иван махнул мечом и остатки срубил. Головы кладет под камень и берет у царевны зарученное кольцо и отправляет ее домой. Она его зовет на пару стаканов чаю. Он ответил:

– Я через месяц приеду, а сейчас мне некогда. – Он и еще ей сказал: – Я через месяц приеду и буду жениться на тебе.

Она его обняла, поцеловала и сказала:

– Проведи меня хоть до города.

А он ответил ей:

– Небольшая ты есть хрелина,¹ можешь дойти одна, а мне надо поспеть в другое место.

Она заплакала и пошла, а он сел на своего коня и отправился.

А в то время водовоз брал воду, все видел, как он бился со Змеем и куда клал головы и языки.

Он подходит к царевне и говорит ей:

– Скажи, что я тебя спас.

И она ему говорит:

– Как же я могу говорить, что ты меня спас?

– Как хотишь, не скажешь, так вот черпаком убью и в море брошу, и скажу, что Змей съел.

Она думает:

– Вот беда: одного сбыла, на другого наскочила... Ладно, скажу, что ты меня освободил и Змея шестиглавого убил.

– Сядь на коленях и поклянись и ком земли съешь, тогда поверю, что ты это скажешь.

Она это сделала. Он ее подмышку взял и тащит домой.

Когда привел, она и рассказывает, что вот такой-то

150

убил Змея. Тут ему нашивочки нашили и почет дали, и сказал государь:

– Зятем будешь моим.

Иван приезжает в свою гостиницу, домой, и говорит хозяину:

– Ты, хозяин, дай мне две порции поесть сразу и дай коню моему порцию овса, я на трое суток закрываю свою комнату и буду писать письма домой, чтоб никто не приходил ко мне трое суток, так что я выходить не буду, а лошадь – смотри, корми как следует каждый день.

¹ Фрейлина.

А сам пообедал и лег спать на трое суток.

На третьи сутки прочинается, опять по церквам звоны пошли и жалобные вывешены флаги, и он у хозяина спрашивает:

– Хозяин, что это такое?

– Молчи, молодой человек, тот раз шестиглавый Змей требовал царскую дочку, а теперь девятиглавый. В тот раз водовоз Змея шестиглавого убил, так надеется, что может быть и этого убьет.

– А дочка что-ж одна у государя?

– Одна, одна дочка.

– Дай-ка мне две порции поесть скорей и засыпь коню две порции овса.

– Сейчас, молодой человек.

– Ну, ну, ну – поскорей!

Поел.

– Ну, я отправляюсь на охоту.

Ну, вот и отправился.

Когда он поспешил, то первый раз народ его не видал, а второй раз, когда он ехал в тую гору, в тую беседку, шел народ оттуда. Народ упал весь на землю, все сказали:

– Поехал Змей.

151

Он шибко ехал и его признали за Змея.

Когда приехал он туда, она прикована была обратным путем. Она и говорит ему:

– Вот, милый друг, не повел ты меня до города, то пришлось мне дать клятву водовозу. Ему уже нашивки нашили.

– А тебе не все равно? Либо был мужик. Ну, вот и жених будет, из бедного станет богатый. Все равно, хошь за мной,

хошь за им.

Ну, как рассказывать дальше некогда было ей – явился Змей и говорит:

– Да, государь милостив, прислал выпить и закусить. Я ждал одну, а он прислал трех.

А Иван говорит:

– Может быть и выпивкой подавишься.

Змей усмехнулся.

– Это, – говорит, – ты убил брата моего, а меня не убьешь.

– Посмотрим.

Иван своего коня не привязал к беседке, а только подвязал поводок. Когда Иван ударил Змея – три головы срубил, а Змей Ивана выше колен в землю вбил. Он второй раз махнул – тоже три головы срубил. Остается у Змея три головы, а две нарастают, то лошадь кинулася на Змея и сбила Змея с ног, а в тое время Иван выскочил из земли, но с ухваткой, срубил две головы. Змей ему и говорит;

– Счастлив ты через лошадь. Я погибну, а у меня брат приедет на лошади, двенадцатиглавый.

Все-таки Иван кончил его и сказывает царевне:

– Кольцо я у тебя взял, а теперь ты дай водовозу кольцо, как ты клятву дала, и выходи замуж.

А она ему отвечает:

152

– А где ж ты будешь встречаться с двенадцатиглавым Змеем? (Она слыхала это).

– А придется у этой беседки встречаться, и ты будешь тут. А где ж ваш водовоз сидит?

– А вот там на дубе.

– Ну, я заеду, покалякаю с им.

Ну, вот, подъезжает к дубу, а царевна осталась тихонько

итти.

– Ну-ка, вояка, слазь-ка с дуба, мы поговорим с тобой.

– Нет, не полезу.

– Ну, скатишься, что горошина.

Иван слез с коня. Тряхнул дуба, он и покатился, и он до земли не допустил, на воздухе его схватил и поставил его на ноги, своей плеткой вдарил его тихонько один раз.

– Ну, и довольно, будет с тебя. Бери царевну, вези домой и можешь жениться на ней. Я женатый уже и мне не надо.

Водовоз зарадовался, что попадет кусок товару хорошего.

Вот он взял царевну и повел. Там ему уже стали делать перевязку от кнута. Иван – солдатский сын приехал в свою гостиницу и таким образом рассказывает хозяину:

– Подай мне две порции поесть.

Хозяин подал, и он сказал:

– Смотри, на трое суток запираюсь в комнату, чтоб ко мне никто не приходил, буду писать письма, а лошади давай такую порцию, как и надо, а я выходить не буду. – И лег спать.

Трое суток спит. На третьи сутки прочинается, опять по церквям звоны и жалобные флаги. Он хозяина и спрашивает:

153

– Что такое, хозяин?

– Молодой человек, двенадцатиглавый Змей пишет государю, чтоб он прислал свою дочку на поедание. А если государь не пошлет, то он все царство наше сожжет.

– А во сколько часов?

– В двенадцать часов ровно, чтобы она была там у моря.

– Так дай-ка мне тройную порцию и лошади моей дай тройную порцию. Дай мне, хозяин, сто рублей денег.

– Ой, помилуйте, молодой человек, ей-богу, сейчас денег ни копейки нету.

– Так ступай скорей сюда.

Хозяин скорей приходит.

– Держи полу.

Хозяин свой халат поднимает, подходит к ему, и он вынимает кошелек, начал трясти в его полу.

– Ну, что, будя? – кричит.

– Прибавь еще немножко.

– Ну, смотри, я буду прибавлять, а если упустишь – все мои.

– Нет, не упусти.

Он сильнее стал трясти кошельком. У хозяина руки изомлели, а все мало. У хозяина и руки разъехались и деньги посыпались на пол. Он на хозяина:

– Прочь из комнаты!

– Дай хоть половинки.

– Ну, забирай скорей все.

Хозяин кряхтит, загребает:

– Вот вам полтора ста рублей денег.

Иван берет эти деньги, садится на своего коня, приезжает в магазин.

154

– Дайте мне пять пудов пеньки.

Ему подают пять пудов пеньки.

– Дайте мне бочку смолы.

Ему подают бочку смолы.

– Дайте мне ведер в шесть котел такой.

Ему и котел подают. Он это все забирает, садится на своего коня и футь – пошел.

Вот приезжает, ставит котел, наливает смолы и начал

греть.

Когда смола согрелась, он берет седло с лошади и мочит в смоле пеньку и обкручивает своего коня пенькой так, что обвертел коня почти на два вершка толщиной кругом. Тогда кладет седло, садится на коня и отправляется к морю. Приезжает сюда, только управился снять цепи с государственной дочки, тут является Змей двенадцатиглавый и говорит ему:

– Ну, вот, Иван – солдатский сын, теперь мы будем биться, аль мириться?

– Не на то приехали мы, чтоб мириться, а приехали биться.

То Змей ему отвечает:

– Мы теперь пустим своих лошадей биться, а потом будем биться сами, если твоя лошадь побьет мою лошадь, придется мне погибнуть, а если моя лошадь собьет твою – придется тебе погибнуть.

Вот пустили они лошадей, то змеев конь как хватит этого коня за шкуру, так кусок пеньки летит смоленой. А Иванов конь как змеева коня хватит – кожи клок вон. Так что Иванов конь избил змеева коня. Змей сказывает Ивану:

– Ты хитростями сбил моего коня, а меня ты не собьешь.

А он отвечает:

155

– Если я ухитрился сбить коня, то ухитрюсь сбить и тебя.

И начали они биться. То когда Иван ударит – три головы слетают, а он его по колен в землю вбил, и он второй раз махнул – три головы сбил, Змей его до пояса вбил. Иван махнул третий раз – тоже три головы ему срубил, а у него две головы вырастает. Змей вбил его в землю до рук. Иван – солдатский сын сказывает:

– Эх, Змей, из-за какой-то королевны мы бьемся. Цари – короли дерутся и то одышку делают, а мы с тобой не

отдохнем. Давай, хоть по черпаку воды выпьем.

Ну, вот, Змей ответил:

– Давай, отдохнем. (Змей надеялся, что у него головы прибавятся, и когда выпьет воды – сильнее будет).

Они стали отдыхать. Иван выбрался из земли, а у Змея выросло две головы. Иван и крикнул на царевну:

– Эх, прекрасная царевна, за тебя мы бьемся, хотя бы подала нам по черпаку воды.

И она черпает и подносит Ивану – солдатскому сыну. Когда Иван выпил, то Змей говорит:

– Подай же и мне воды.

Иван отвечает:

– У тебя ж не одна голова, а пять, так пока она пять черпаков принесет, она и устанет. Можно и так обойтись. Теперь давай драться.

Вот опять они начали драться. Когда Иван махнул – отрубил три головы, а у него еще остаются две. Ивана по пояс в землю вбил сразу Змей. Тогда подскакивает лошадь и сбивает Змея с ног. Тут Иван кончил все головы ему. Головы – под камень,

156

языки – на камень и попрощался с царевной. И сказал ей:

– Можешь выходить за водовоза замуж, а я женатый.

Царевна заплакала, но делать нечего, только сказала: – Жалко, жалко.

Иван отправился в свою гостиницу, а водовоз взял ее и повел домой. Иван приезжает в гостиницу, сказал хозяину:

– Подай мне две порции и ко мне трое суток никто не ходи. А коня смотри.

– Хорошо, хорошо.

Тут прошло несколько дней, а он проснулся и спрашивает:

– Ну, что у вас слыхать в городе?

– А слыхать у нас в городе то, что будто венчается водовоз на государственной дочке и он будет у нас государем.

– Ну, так вот, хозяин, к этому дню, когда он будет венчаться, чтобы ты свою гостиницу!.. Была бы духовая музыка, и кто ни придет – на мой счет угощать, и духовая музыка на мой счет. И чтобы музыка все время играла.

Хозяин знал, что у него такой кошелек и расплатиться есть чем. И нанял музыку. И музыка играла целные сутки без перестанка. Когда они ехали к венцу, Иван подъехал, схватил ее на коня и привез в эту гостиницу. Все сплеснули руками и подумали, что Змей схватил государственную дочь среди города и куда повез – неизвестно. Так жених и остался не при чем.

Тогда государь во всех церквях стал отпевать ее. Вывешены были траурные флаги и все трактиры, магазины на трое суток закрыты были

157

и не велено в музыку играть. Но в этой гостинице, как нанята была музыка – должна была играть. Государь говорит:

– Почему в такой-то гостинице играет музыка, не закрывается? Моего приказа не слушают?!

Вот посылает он людей, чтобы была закрыта эта гостиница немедленно. Эти посланные приходят заявить, чтобы эта гостиница была закрыта, и видят государственную дочь здесь. Тогда государь приезжает сам в эту гостиницу. Она и говорит отцу:

– Отец, вот мой избавитель, который сбавил меня от Змея.

А он отвечает:

– Да, теперь ты нашла другого. Тебе просто сказать, что

этот тебя сбавил. Почему ты тогда не сказала?

Велел закрыть эту гостиницу и арестовать этого молодого человека. Арестовали и одели его в кандалы и повели его к государю на допрос. [На допросе] Иван – солдатский сын и говорит:

– Пусть же ваш вояка покажет, где лежат Змеевы головы. Когда он Змея убивал, куда он девал головы?

И водовоз говорит:

– Под таким камнем один, под таким камнем другой, под таким камнем третий. (Он ведь видал).

– Тогда, – говорит Иван, – пойдете к морю и пусть он поднимет камень, и покажет.

Вот они приходят туда, водовоз и говорит:

– Здесь головы шестиглавого Змея, здесь – девяти, здесь – двенадцатиглавого. (По языкам видел).

– Ну, так вот, ты подыми камень и покажи головы. Языки видно тебе, что на камне лежат, а покажи головы.

158

Он и пошел кругом камня, камень ворочать – так где же ему повернуть тот камень! Камень не ворошится. А Иван – солдатский сын закован в кандалы.

– А вот, я покажу.

Он подходит к этому камню, где лежат головы шестиглавого Змея, не руками взял, а взял ногой как свистнул, камень покатился в море, и кандалы полетели вслед, порвались. А потом подымает все камни, показывает публике. Вся публика сказала:

– Действительно, этот освободил, а не водовоз. Водовоза за эти штуки взять и к конскому хвосту привязать и пустить в чистое поле.

А Иван – солдатский сын отвечает публике:

– Зачем гонять лошадь зря.

Подхватывает его за пояс и бросает его среди моря.

– Вот, пусть рыба ест.

За теми пирогами, которые были приготовлены к той свадьбе, сделали его свадьбу. Вот и стал женатый Иван – солдатский сын.

Пожил он дня три-четыре со своей женой и говорит ей:

– Пойдем-ка, прогуляемся, дорогая.

Они вышли на балкон, стоят на балконе, разговаривают.

Иван видит, что вроде кладбища стоит роща и спрашивает у своей жены:

– Что такое за лес?

Она ему отвечает:

– Эта роща называется Марьиная роща у нас. В эту Марьину рощу как кто пойдет, никто не вернется назад. Два полка солдат послали и то их нету.

159

Он выходит к балкону и сказал:

– Оседлайте мне коня!

– Куда ты поедешь?

– А поеду, прокачусь.

– Только, пожалуйста, не едь в Марьину рощу.

Он как сел, свистнул – прямо в Марьину рощу и полетел. Захотелось ему знать, что такая за Марьиная роща. Но жена наблюдала и видит, что он отправился в Марьину рощу.

Когда он только уехал в Марьину рощу, тут оказывается лисица ему, он за этой лисицей погнался. Он ехал, кажется, немного, а проскочил в другое царство, а лисицы догнать не мог.

Ехал он деревнями, ехал он скалами (за этой лисицей все гнался). Вдруг стоит дом один. Дом на всем пути стретил. То

лисица под ворота, а лошадь через ворота проскочила. Он поставил свою лошадь и пошел в дом. Отворяет двери: тут солдатская оказывается кухня, обед варят. Он спрашивает;

– Кто здесь живет?

Ему никто не отвечает, сделались все камнем. Он отворяет другие двери, дальше пошел, и видит– солдатская швейня: одежду солдатскую шьют. Когда он спросил, то и они камнями сделались. Он видит третьи двери. Он отворяет третьи двери, не обнаживши своей шашки. Вдруг навстречу бежит старушка (та самая, которая вела его сюда – волшебница, лисица). Он спрашивает:

– Кто здесь живет?

Выхватил шашку, а она махнула на него носовым платком и сделала его камнем.

*

* *

Проходит время, как они договор сделали с братом.

160

– Надо теперь вернуться на тую дорогу, на которой я был и распростился с братом.

Вот приезжает Роман на эту дорогу, заворачивает на тот след, куда брат поехал, конь его быстрее понес. Конь знал, что уже брата нету. Заезжает он следом, стоит избушка на куриной ножке, тая – лесу дверями, а к дороге стенами, Он заходит к дверям, избушка покрутилась опять (на куриной ножке она крутится, чтоб никто не заходил). Он крикнул:

– Стань избушка, к лесу стенами, а ко мне дверями.

Избушка стала. Роман открывает двери. Сидит в избушке маленький человек – ростом под потолок, голова с пивной, с банный котелок. Он говорит:

– Здравствуй, дедушка.

– Здравствуй, здравствуй. Ну, спасибо, – дедушка рассказывает ему, – что ты мимо не проехал меня и заехал ко мне. То теперь, – говорит, – есть для вашей лошади корму, я запас, и есть для вас, что попить – поесть.

Стали они угощаться. Дедушка угостил его и он отправился в дорогу. Дедушка не знал, что это был его брат (они волос в волос были, голос в голос). Подарка ему никакого не дал (тому дал кошелек, вот бы нам такой кошелек!). Вот Роман отправился быстрее. Приезжает он в этот город, лошадь везет его прямо на постоялый двор, где Иван стоял. Выскакивает хозяин и кричит:

– Здравствуйте, ваше императорство! Спасибо, что заехали к нам. А мы все думали, что вас и в живых нету.

А он отвечает:

161

– Как в живых нету? Вот мы.

Стал он угощать. Пошел слух, что государь приехал, не заехал раньше домой, а заехал в гостиницу. И он тут угостился и садится на коня и отправляется его следом. Вдруг его на дороге встречает хрелина молодая, жена Ивана, и бросается ему на шею.

– Эх, ты, милый друг, сколько времени не было тебя и ты раньше не заехал домой, а заехал в гостиницу.

Роман отвечает:

– Это по привычке.

Вот приехали они во дворец, и он приказал поставить лошадь на место (где стоял братов конь). Коня поставили. Она его повела в комнату, показывает:

– Что тебя не было, я и в комнате мало находилась.

Тут они угостились, выпили, закусили. Пошли в комнату и она к нему повисла на шею кряду.

Он и говорит ей:

– Ты, – говорит, – сегодня поменьше со мной заигрывай.

– Почему, милый мой?

– Да так, – говорит.

Вот уже приходит ночь, надо спать (как и нам, грешным людям, знаешь). Он и говорит ей:

– Знаешь, моя дорогая, что, ты мне постели постель особенно. Я буду один спать.

– Почему, – говорит, – так?

– Да так, – говорит.

Он берет свой меч и кладет середине кровати и сказал ей так:

– Там вот лежит в среди меч. Если ты покладешь

162

дешь на меня руку – рука у тебя прочь, а если ногу – нога прочь.

Она легла. Когда он заснул, она берет платок и бросает на его платок, половина на ем, половина у ее в руках.

Она тут ночи не спала, боялась повернуться, чтоб не дотянуться до его меча. И проспали они до утра.

Утром встают, чаю попили, она и говорит ему:

– Я думала, друг, что ты поехал в Марьину рощу и что ты оттудова не вернешься.

– Нет, а где же это ваша Марьина роща?

– А я тебе показывала с балкона, а ты прямо туда, и я следила за тобой с балкона, что вы поехали прямо в Марьину рощу.

– Так покажи-ка мне ее, что за Марьина роща.

Она вышла на балкон и показывает:

– Вон она.

– Ну, я сейчас поеду в нее, – он отвечает.

– Да, что ты, милый мой. Туда полк солдат послали и те не вернулись, а ты поедешь!

– Какой же я есть богатырь, что я буду бояться Марьиной вашей рощи? Я мигом туда полечу.

Сел на коня и уехал прямо в Марьину рощу. Когда он подъехал к Марьиной роще, является эта самая лисица. Ну, он за этой лисицей гнаться. Лисица этим следом, которым и брата вела. Он пролетел в царство ее. Стоит дом на поле, кругом камень есть. Лисица под ворота, а лошадь через ворота с ним перескочила, и лошадь подошла к лошади Ивана и стала лизать. А она стоит, как камень, но видно, что лошадь. Роман видит, что это его брата конь.

163

Он поставил своего коня рядом. Сам обнажил шашку и пошел.

Он первую дверь отворяет, солдаты варят обед. Он спрашивает:

– Кто здесь живет?

Они камнем все обратились, не ответили ему ничего. Он отворяет другие двери, то солдатская швейня: шьют солдатам одежду, он тоже спросил:

– Кто здесь живет? Они камнем обратились.

– Ну, теперь я отворю третьи двери. Спрашивать больше не буду, кого увижу – сейчас голову сниму.

Отворяет третьи двери и вперед пускает свою шашку. Вдруг является к нему старуха и он, не спрашивая ее, чикнул, срубил ей голову. А у нее в руках носовой платок. Он тогда берет этот платок и стал искать по карманам, что еще есть. Вынимает он другой платок. Взял, махнул платком, который был в руке у этой старухе, она сделалась камнем. Он видит, что стоит здесь тоже отмалеванный человек, как и

он, только камень. И он махнул этим платком, который был в кармане, то брат такой стал, как и был, и говорит:

– Эх, как я долго спал.

А тут за дверями крикнули:

– Ура! – все, – вот спаситель, спас все царство. Он глянул в окошко: где были скалы, тут оказался город, люди засуетились по всему городу и вот кинулись в этот дом и крикнули все на Романа;

– Ты у нас будешь государем!

И вот он вступил на престол. Тут и брат его был с ним же. Тогда Иван и говорит:

164

– Ну, давай же, брат, поедem ко мне, я ведь тоже царем.

– Знаю, знаю, – отвечает Роман, – давай, поедem в твое царство.

Роман дал брату платки:

– Вот, – говорит, – я какие платки имею.

Проехали они мало-немного, стали разговаривать про жисть. Роман усмехнулся и говорит:

– Знаешь, брат Иван.

А что? – говорит.

– Я сегодня ночь ночевал с твоей женой.

Ивану стало жалко, что тот может что сотворил, и думает:

– Что же, пусть такую насмешку никто знать не будет, и верить никто не будет, что брат был у меня, что брат освободил меня.

Вынимает из кармана платок и махнул на его этим платком. Роман сделался среди дороги камнем, а он быстрее стал ехать домой. Что ни гонит своего коня, дорога не передится. Видит, что у него конь смутно идет, как он его ни подталкивает, конь не несет, не шевелится. Он сам себе

подумал:

– Эх, какой я есть дурак, жену-то я могу найти себе, а брата не найду, и он меня освободил, а я такую подлость сделал для его. Вернусь назад, попрошу прощения.

Когда только он повернул своего коня ехать к брату назад, то конь полетел, что из ружья пуля. Так что он ехал туда целый час от брата, а к брату приехал за пять минут. И махнул другим платком и начал просить:

– Прости, брат, мне, что я сделал так.

165

– Ну, ладно, – говорит, – пусть так. Приедешь домой, узнаешь, как я с ней спал.

Вот они уже приезжают вечером в такое время, как мы с вами сидим, часов в 9–10, и подъезжают к государскому дворцу, стоят часовые на часах, на воротах. Вот Роман подъехал и спрашивает:

– Дома ваш молодой государь?

– Да, был, – говорит, – третьего дня дома. Его, – говорит, – не было двенадцать дней. А третьего дня он приехал и опять уехал.

– А можно туда, до жены его добиться?

– Не знаем, мы не можем тебя туда пропустить.

А он говорит:

– Вы посмотрите, может государь ваш здесь. Хорошо вы знаете его?

– А мы и не видали его, что за государь (где, каждый солдат знает государя). Он слышит, что голос подходит под ихний голос, Роман и спрашивает:

– Ты, – говорит, – служивый, сколько лет служишь?

– Девять лет, десятый пошел.

– А с какой ты местности?

- Вот с такой-то.
- А деревню вашу как зовут?
- А вот так-то, там Переечи, или Слобода скажем, Переечи.
- А кто ж у тебя дома есть?
- А теперь не знаю, кто у меня дома есть.
- Да что, – говорит, – ты писем не пишешь?
- Да простите, писать не на что, нету капитала.
- А с дому вам пишут? Тебе пишут с дому?

166

- Да почти некому с дому писать. Кому?
- Почему некому писать?
- А потому некому писать, что я перед службою женился и каких-нибудь четыре месяца пожил с женой, так не знаю, жива она, али померши. А девять лет друг другу не писали, и она не знает, где я живу, а мне писать не на что, так что я уже позабыл. (Это правильно сказано).

Роман и говорит:

- Забывать не надо.

А Иван постаивает, помалкивает.

Вот Роман подъезжает к нему ближе, берет его за шкурку и садит его к себе и говорит:

- Ты – отец наш. Теперь поедem в ворота.

Ворота были закрыты. Иван говорит:

- Надо открыть ворота. Я сейчас открою.

Взял толкнул ворота – полетели со стояками. Дорога очищена. Подъезжают они к крыльцу, там уже известь дана. Жена Ивана выскочила и бросилась к одному на шею, к другому на шею и солдат с ими тут, и пошли они все в комнату, она и говорит:

- Для чего солдата ведете?

А Роман отвечает:

– Этому солдату поклонись в ноги, да поцелуешь руки.
А Иван все помалкивает, да такой смутный.

Роман и говорит:

– Вот за это твое слово, что ты сказала, для чего солдата ведете, поклонись этому солдату низко в ноги и поцелуй у его руку и попроси у его прощенья за свое слово.

Она так и сделала. Поклонилась, поцеловала в руку, а Роман говорит:

167

– Скажи: „отец, прости мне“.

То солдат говорит:

– Ну, я прощаю тебе.

– Ну, ладно, – сказал Роман, – теперь же давай-ка мы угостимся, мы с дороги.

А Иван все помалкивает. Роман командует.

Собрались государь старый, государыня. Вот он стал, Роман, сказывать:

– Ну, теперь, голубушка, узнай-ка своего мужа сейчас, который твой муж есть? Я аль этот?

– Да я не знаю, который муж.

– Ну, вот, если ты не знаешь, который твой муж, так вот Расскажи-ка, как третью ночь ты ночевала с мужем?

– Да, действительно, спала на одной постели, но он просил меня, чтобы я постлала отдельную постель, но я не согласилась. Ну, он все-таки от меня не мог откреститься, я легла с ним на одну постель. И он встает и берет свою шашку (али меч – все равно) и кладет в середину, и сказал мне, что если ты покладешь на мене руку, то рука прочь, а если ногу, – то и нога прочь. Ну, когда он заснул, то я сделала опыт: взяла, бросила платок на его половину, половина на ем, а половина у меня в руках. Я второй раз – не

поверила этому, взяла свою кофту бросила, и кофта – половина у его, половина у меня. Я сняла свою юбку, в которой спала, и бросила на его, половина у меня в руках, а половина у его, то я целую ночь не спала и боялась повернуться.

Тогда Иван бросается Роману в ноги и просит его:

– Прости, брат, мне за эту за мою вину.

168

– Ну, проси отца, он простит тебе вину.

Иван стал просить отца, чтобы он простил ему эту вину.

– Ну, вот, этот твой муж, который поклонился мне.

Вот они стали здесь подгуливать, погуляли сутки, отдохнули – другие погуляли.

Роман и говорит брату своему:

– Ну, пусть отец живет у тебя, пока я съезжу домой.

Оседлал коня и махнул в деревню за матерью.

Приезжает он в деревню, заходит в родительскую избушку, а там уже другой бедняк живет в этой избушке. Он и спрашивает:

– А где хозяйка?

– А хозяйка, что ей – просто жить, она живет лучше барыни. Живет она в комнате, кормят ее, поят, что она хочет, денег у ей до пальцев, даже несколько раз приходила сюда и как придет, то рублей пять-шесть даст, то и мы за ее богу молимся.

– А у тебя, что, избы нету?

– Да, нету, молодой человек. Изба была у меня, да она сгорела, помещик – наш барин – дал мне эту избу.

– А что он – хозяин ей?

– Да что велят, то надо делать (он отвечает, бедняк).

– Ну, ничего, я прикажу толстоброухому, чтобы он сделал

тебе новый дом в этом месте и с тремя комнатами.

– Где ж он вас послушает? – сказал бедняк молодому человеку.

– А ты знаешь, кто я?

169

– Нет, не знаю.

– А вот, в таком-то году, что было у вас? Кто в этой избушке жил?

– Да тут жила солдатка, фамилия такая-то, то ее сыны были богатыри и приказали, чтобы помещик ее воспитывал.

– А ты признаешь меня, что я сын ее и есть?

– Не могу признать. Так вы тогда были маленькие. Хотя вам помещик по двадцать пять пудов булову сделал и вы пошли вслед за ими. Я не признаю, что вы, собственно, теперь, как мужик, а им еще десять лет.

– Нет, самые мы и есть. Ну, вот, завтрашний день я толстобрюхому велю, чтобы он собрал сходку, и ты приходи туда. И я еду в имение.

Сел и поехал.

Приезжает в имение и спрашивает, где такая-то живет по фамилии. Там придворные сказывают– в тех комнатах, где барин находится. Он от придворного прямо к комнатам покатыл.

У крыльца лошадь оставил, а сам пошел в комнату. Увидел барин, что идет человек, такой молодой, красивый. Он подходит к ему и спрашивает у его.

– Что вам надо, молодой человек, от меня?

– Я пришел к такой-то женщине, повидать ее.

– А вот она в тех дверях находится (помещик догадался, знаешь), можете пройти.

Он приходит к матери. Мать по лицу узнала, только не

знает который. Она и спрашивает:

– Который – Роман, али Иван, сынок?

– Нет, мамаша, – Роман.

– А где ж Иван?

– Иван царствует, уже второй месяц пошел, как женился.

Заступил государем, вот в таком-то

170

месте, а я тоже поступил на престол вот в таком-то месте и приехал за тобой. И отец наш теперь живет у Ивана, ваш муж.

Старуха (какая старуха!) израдовалась, а помещик все в дверях слушает.

– Ну, ладно, мамаша, это все хорошо. Ну, а как же толстобрюхий чорт тебя питал, хорошо?

– Хорошо, хорошо, сынок. Спасибо ему, барину.

– Ну, какой чорт ты ему спасибо говоришь! Ему глаза выколоть надо. Вишь богатого не сдал, а бедняка в службу сдал. Ну, ладно, простим ему эту вину, чорту этому, другой раз помнить будет, не охота рук пачкать – заколоть его. Так что и так уже скоро сдохнет (стар был). Ну, я пойду, скажу, чтоб коня убрали в конюшню.

Помещик от дверей побег.

Вот он входит:

– Ты, толстобрюхий чорт, скажи, чтоб коня убрали в конюшню.

– Вы, может быть, хотите покушать, молодой человек?

– Да, не мешает.

Он крикнул. Подали ему покушать, здесь было пиво, коньяку, вина всякого. Потом он и говорит:

– Ну, ты, толстобрюхий чорт (он иначе его и не звал), ты дай известие, чтоб завтра староста собрал сход, чтоб все

были на сходке, ни один не отлучился, и скажи им, – и ты придешь, и Роман такой-то приедет, солдатский сын.

А мужик давно уже рассказал христианам своим, что приехал такой-то.

Помещик живо велел запречь лошадь и сам отправился в деревню. И приехал и на старосту приказывает:

171

– Чтоб завтра была к девяти часам утра сходка, чтоб никуда ни один не отлучался, а я приеду, и Роман приедет.

А сам отправился в имения.

Приезжает, докладывает Роману, что это все будет готово.

– Ну, так вот же ты, толстобрюхий чорт, ты чтоб сорок ведер бочку вина отправил туда и убил три коровы и послал туда два котла больших, чтоб было в чем варить. Ну, и крупы три пуда пошли, хлеба напеки за ночь пудов семь (хватит с мясом там).

Толстобрюхий чорт сказал, что это все будет готово, – ему спать некогда было с своими прислугами.

На утро к девяти часам помещик запрягает три лошади и отправляет в деревню, и они туда поехали. А мужики уже собравши все.

Роман говорит:

– Ну, вот, раньше по кружке выпить, а потом, – говорит, – разожгите костер, поставьте котлы и поставьте человек несколько, чтоб они готовили.

Мужики рады стараться этому случаю. Вот они выпивают и подхваляют и благодарят Романа:

– Вот, Роман, молодец, третий раз выпиваем за твое здоровье.

– Ну, пейте на здоровье.

Потом он приказывает помещику:

– Ну, вот тебе последняя задача, толстобрюхий чорт: вот на этом месте, где вот такой-то бедняк живет, выстроить дом новый, чтоб было три комнаты, четвертая кухня и двор. Дать ему корову и лошадь и чтоб он ему не служил (не работал на помещика) и что он будет жить, как и

172

ты, дворянин (помещики раньше дворяне были). Надо в лес ехать – чтоб его не забирали.

Мужички выпили, поблагодарили, и он мужиков поблагодарил:

– Живите спокойно, а я уеду.

Берет мать и отправляется, а помещику сказал:

– Смотри, толстобрюхий чорт, что я сказал тебе, чтоб было сделано этому мужику, а не будет через год сделано, тогда у живого глаза выколю.

– Сделаю, сделаю, солдатский сын.

Вот Роман приехал в это царство, где его отец и брат, и они здесь погостили. Роман берет отца и мать и отправляется в свое царство и начал царствовать в своем царстве, поживать и бедных людей не обижать. И я проехал – там очень хорошо живется, как у нас сейчас.

Ну, и сказка кончена.

173

НЕЗНАЙКА

В некотором царстве, в некотором государстве, в одном городе жил купец. У этого купца был один сын. А торговля у него была большая. В государстве была у него в другом большая часть торговли, так что он приезжал в три месяца

один раз домой. Когда приедет он домой, то сын ему и рассказывает:

– Папаша, – говорит, – к нашей мамаше какой-то ходит и часто с ней ночует.

И папаша действительно стал ее бранить:

– Чего тебе нехватает?!

Ну, и она догадывается, что это никто не может сказать, аprobe сына. Он уехал, побранился, и уехал обратным путем за границу. Вот обратным путем он приезжает, ему сын тоже рассказывает это самое. Ну, и он тут стал на ее тоже браниться:

– Как тебе не совестно?!

Ну, и опять уехал. Вот он там уже не пробыл и три месяца, прибыл пораньше. Когда приехал он домой, то сын ему и говорит;

– Папаша, – говорит.

– А что, – говорит, – сыночек?

– Купил бы ты мне лошадку.

174

Отец ему ответил:

– А за чем стало? Мало одной, так можно две купить лошадки.

– Да нет, папаша, мне двух не надо, мне, – говорит, – одной хватит.

Вот и пошли они на базар – выбирать лошадек, и он от отца скрылся немножко. Подбежит к коновязи к одной лошади и к другой лошади. На которую лошадь наладет руку, тая лошадь гнется. Всех лошадей пробег – ни одной не нашел, все лошади гнутся.

Вот идет он, видит, что приехал только что сейчас на базар [мужик]. Он подсакивает:

– Что, мужик, лошадь пригнал?

А он говорит:

– Да, пригнал продать этого жеребенка. (А у этого жеребенка шерсть, как у меня на голове, колтунами, да длинная).

Он подходит к этому жеребенку, кладет свою руку на этого жеребенка, а жеребенок и не гнется. Он и подумал:

– Нашел своего, не гляди, что колтунатый, Сколько же, мужик, ты просишь за его?

– Да рублей пятьдесят, может, и дадут, ну, раз незавидный жеребенок.

– Ну, ладно, я тебе дам сто рублей (ему что сто рублей!). На, тебе десять рублей задатку, а я пойду искать отца.

Дал ему десять рублей задатку и пошел искать отца. Тут отец мимо лошадей ходит, выбирает больших, чтоб они были корпусные и видные лошади. Он ему и сказывает:

– Что, – говорит, – отец, таких больших лошадей выбираешь мне?

175

– Да, выбираю, чтоб была лошадь хорошая.

– Так нет, папаша, ты этих лошадей не покупай мне. Я – парень малый, а лошадь большая, она может меня убить.

– Ну, так какую тебе лошадь?

– А, пойдем, я уже задатки дал на лошадь.

Вот и ведет к этому мужику, подводит и показывает:

– Вот эту надо взять, папа, лошадку.

– Да, что ты, – говорит, – сын, это все люди засмеются на нас, что такой именитый купец купил такую лошадь. Эту лошадь весть в паликмахерскую, да отдать пятьдесят рублей, чтобы они обстригли ее. Ты видишь, у нее и ноги кажутся кривые (они стоят, а у ней ноги в кучу).

А сын отвечает:

– Папаша, – говорит, – не надо в паликмахерскую вести, я побольше овса дам, да гребенкой поскреблю, так эта вся шерсть приляжет.

– Ну, так ладно, только совестно домой его вестъ.

– Ничего, папаша, проведем.

Он спрашивает, купец, у мужика:

– Сколько ты просишь?

А мужик боится отвечать, что сто рублей назначено и десять рублей задатку дано.

А сын отвечает:

– Папаша, я уже сторговался. Выкидай сто рублей ему.

Купец выкидает сто рублей мужику. Мужик подает десять рублей купцу назад. Сын не дает отдавать.

Сын говорит:

– Это тебе на чай десять рублей, которые я тебе дал в задатке, за то, что ты кормил ее хорошо.

176

Парень взял за узду и повел своего коня.

Отец говорит;

– Ну, ты иди, а я пойду в другой бок (купцу совестно, но сыну поперечить он не мог).

– А нет, папаша, не иди, пойдем вместе, зайдем в магазин. Купишь мне хоть седло да узду, конь станет красивый. Видишь, другая барышня идет, платье на ней худое, а сама хорошая, а идет другая, что не стоит ничего, а платье как оденет хорошее – думаешь, что она хорошая. Так и мы, как на коня оденем сбрую хорошую, то у нас будет конь хорош.

Вот заходят они в магазин, выбирает [сын] седло, выбирает узду, седлает своего этого коня и садится верхом.

– Вот, видишь, – говорит, – папаша, если бы ты большого купил коня, я не смел бы на него сести. А это, – говорит, –

маленький, вот я и поеду.

Сел и поехал домой. Вот приехал, поставил его в конюшню, принес ему корму, как полагается, и зачал его кормить. Купец отправляется опять в дорогу и говорит своей жене:

– Смотри, – говорит, – ты не делай так, а то приеду, плохо тебе будет.

Вот сам отправился. А к ей ходил начальник тюрьмы (влюбчик был). Вот она и советуется с им:

– Что нам сделать этому парню, сыну, чтоб до приезде мужика,¹ укокошить его, чтоб не предавал больше?

А начальник отвечает:

– А быдто долго его провести: стакан яду, – говорит, – с чаем дать – вот он готов будет.

177

А он любил, как утром встанет из постели, так бежит к своей лошади, а потом там пьет и ест.

Вот когда пошел в конюшню, то ему уж стакан чаю приготовили. Иван – купецкий сын приходит в конюшню к своей лошадке. Лошадка его голову повесила.

– Что, – говорит, – моя добрая лошадь, голову повесила?

– А от того, – говорит, – повесила голову, Иван – купецкий сын, тебе уже мать наготовила стакан чаю, пока ты от меня придешь, ты выпьешь и кончишься. Так вот, смотри: чаю ты не пей, а вроде как станешь доставать сахар, то его опружь, то даже салфетка сгорит, тое место, тогда станет она тебя школить за этот чай, что ты опружил его, а ты отвечай: „я его не нарочно прокинул“.

Он так и сделал. А онахватила его чуприну и начала его толкать.

¹ Мужа.

– Что ты опружил чай?

А он ответил:

– Неужели у нашего отца только один стакан чаю есть?

И она тогда ему ответила:

– Я такая горячая.

А он:

– Не надо, мамаша, такой горячей быть.

Вот начальник тюрьмы вечером опять приходит к ей и спрашивает у ее:

– Как, что насчет сына?

– Да не выпил, – говорит, – опрокинул нечаянно.

– Ну, если, – говорит, – опрокинул, то мы сделаем так, что он уже не опрокинет. – И он говорит:

178

– Он булки ест утром за чаем?

– Ест.

– Испечь ему булку с ядом.

Он утром (ему булка приготовлена была) бежит в свою конюшню, лошадка ему и сказывает:

– Ну, вот, Иван – купецкий сын, тебе гостинец опять приготовлен, этого гостинца не опружишь, а придется съести. Ты бежи в пекарню, купи три булки. Которая булка подходит под тую булку, которая будет лежать на столе, ты эту булку возьми – клади в карман, а тую вытягни, ешь и похваливай, что никогда такой булки вкусной не ел. Когда придешь ты с конюшни, то мать скажет тебе: „пей чай, вот и булочка тебе уготовлена“. Ты скажи: „спасибо тебе, мамаша, что стараешься для меня хорошо. Сейчас же я сяду и эту булочку съем“.

Он так и сделал, а она ему сказала:

– Ешь, ешь, сынок, на здоровье.

Сама повернулась и пошла (все-таки жалко смотреть).

Он эту булку в карман, другую из кармана, ножиком порезает, в сладкий чай мокает и наплетает и кричит:

– Мамаша, иди-ка сюда.

– А чего?

– Булка-то вкусная, прямо-таки я никогда в жизни такой булки не ел.

Съел эту булку и песенки запел.

Вышел на улицу. Бежит собака. Он бросил булку собаке. Собака как съела, так и околела.

Вечером приходит опять начальник тюрьмы.

– Ну, как, – говорит, – у вас?

– Да, молчи, – говорит, – всю булку съел, да приговаривает, да еще меня приглашает.

179

То начальник говорит ей:

– Ну, погоди, у меня есть волшебник в тюрьме, так я с ним посоветуюсь, что с им сделать.

Вот начальник приходит в тюрьму, вызывает этого волшебника к себе в контору и говорит ему:

– Не можешь ты сделать, чтобы околел такого-то купца сын.

– Э-э-э! Это дело сделается, как слюна сплунется. Купите хорошую рубашку ему, чтобы он не видел ее и я на этой рубашке сделаю – он как оденет эту рубашку – покойник, несите хоронить. Больше он не проснется.

Купили рубашку мигом и принесли этому волшебнику. Эта рубашка была у этого волшебника целые сутки, то значится лошадь Ивану не ответила ничего эти сутки, а когда была принесена рубаха, он приходит в конюшню, лошадь стоит, голову повесила.

– Вот, Иван – купецкий сын, вот тебе уже рубашечка куплена. Когда ты придешь от меня, то она, мать, скажет, что „вот, Иван, тебе прислал рубашку отец из заграницы такую хорошую“, то ты скажи: „спасибо моему отцу, что он не позабывает обо мне“. А тебе она скажет; „А мамаше?“. А ты скажи: „Ну и мамаше спасибо“.

И ему лошадь сказала:

– Когда она скажет одевать, ты скажи матери: „Как же я такую хорошую рубашку на грязное тело одену. Сделайте ванну мне, я помоюсь и одену рубашку“. Когда поднесет тебе горничная рубашку, то ты скажи горничной, что она холодная рубашка, вели ей у плиты погреть, то она свистнет в трубу, эта рубашка, и пронесет ее воздухом на улицу. Горничная испугается, а ты скажи: „Горничная, не

180

пугайся, иди, возьми ее на улице“. То горничная принесет эту рубашку, ты одевай ее смело и притворися, что вроде как помер, то они будут тебя хоронить, даже сегодня. Когда принесут тебя на кладбище, то ты там проснешься.

Так он и сделал.

Когда принесла горничная рубашку, то он пальцем повел по ней, сказал, что она холодная, сходи и погрей у плиты. Горничная пошла греть. С ее рук вырвалась рубашка и полетела в печь и в трубу. Горничная испугалась и всплеснула руками.

– Что теперь мне будет?

Он крикнул:

– Не пугайся, иди сюда! Бежи скорей, на дворе возьми ее и тащи мне сюда.

Она побегла, взяла, принесла и подает ему. Он взял полотенце, вытерся, одел рубаху, зашел в свою кровать и лег

спать и заснул на несколько время. Ну, так что он спал, – не слышал ничего. Пришла мать и будит его.

А Иван уж не живой. Она посылает за начальником. Начальник приезжает, сейчас же купил гроб, обили по богатому, как купецкий сын помер. С певчими понесли его на кладбище, открыли крышку, так мать стала приплакивать по сыну, что один был и тот помер, у людей много ребят – не умирают, а у меня один и тот кончился. Даже чуть не обмирает над могилой тут мать. Священник отпел и вот начали накладывать крышку. Иван двинул ногой, крышку свалил.

– Я заснул, а вы хороните.

Стали его спрашивать:

– Когда он помер?

– Да сегодня.

181

Значит, за ее взялися, а она за начальника, но деньги замазали кое-как. Вот они и думают– была беда и это еще побольше беды нашло. Вот начальник приходит к этому волшебнику и говорит ему:

– Ты, что, мошенник, наделал?!

– А что, ваша благородье?

– Да как же, он помер и воскрес!

– Не знаю я, чтобы моя рубашка не взяла его. Ну, так дайте мне сутки подумать и посмотреть, я узнаю, почему моя рубаха не взяла.

Ну, и дал ему, волшебнику, думать, то волшебник узнал, что это не он командует, а лошадь его.

Приходит начальник к волшебнику:

– Ну, что, узнал?

– Узнал, ваше благородье. Да ему, что не сделай – все будет

живой. Это не он командует, а лошадь его. Что пока лошади не убьете, то его не провести никаким способом. А как лошадь убьете, то тогда его в два счета я проведу.

Тут же они посоветовались убить лошадь.

Иван – купецкий сын является в конюшню. У лошади уже слезы на глазах. Он и спрашивает:

– Что, лошадка моя, плачешь?

– Да вот, Иван – купецкий сын, я тебя спасла, а теперь спасай меня. А не хочешь спасать, так спусти меня в чисто поле. А так, если желаешь, спасешь меня, а я спасу тебя. Ступай домой, бери деньги побольше с собой и проси у матери, что я прокачусь на своем коне. Ну, мать тебя будет отговаривать, скажет: „куды ты, Ваня, покатишься, вчера помирал, а сегодня уже кататься захотел“. Когда не будет пускать тебя, то ты просись хоть во дворе прокатиться три раза. Она будет велеть,

182

что ворота будут закрыты, то мы через ворота прыгнем.

Вот он пришел с конюшни, не садится чай пить.

Мать предлагает:

– Пей, Ваня, чай.

А Ваня отвечает:

– Что-то, мамаша, неохота сегодня так рано пить. Мамаша, я прокачусь сегодня на своей лошади.

– Да куда, сынок? Вчера помирал, а сегодня кататься собираешься. Лучше завтра прокатишься.

– Нет, мамаша, сегодня охота.

– Нет, не пушу, сынок.

– Ну, так не пускаешь по городу, так я на дворе прокачусь три раза на своей доброй лошади.

Ну, она сказала, что:

– На дворе прокатись, и я выйду на крыльцо и буду смотреть, как Ваня катается.

И взяла левольвер с собой, думает:

– Ворота будет ломать – она из левольвера бухнет.

Ну, вот он раз прокатился, другой воротился и говорит ей:

– Видишь, мамаша, как хорошо качусь.

Третий раз подъезжает к ней, тисканул своего коня. Лошадь через ворота, она из левольвера бах-бах, только и видела.

Когда он выехал за город, то ему лошадь и рассказывает:

– Теперь мы поедem далеко. Мы, пожалуй, еще не вернемся. И вот проедим мы немного, будет здесь лисица бегать, то это не лисица, а это волшебница. Она может делаться прекрасной дево́й

183

и старухой, и она будет лезти, чтоб ты с ней остался, но ты не соглашайся оставаться. Когда не согласишься, то она выкинет тебя из окошка, а там будет дорожка.

Вдруг неоткуда взялась лисица. Лошадь догоняет лисицу, но никак не догонит. Лисица бегла, да в нору, лошадь остановилась.

– Ну, вот, ты полезай в эту нору, а я буду гулять, пока ты оттудова вернешься. А ты вернешься оттудова, когда она тебя из окошка выбросит, а если не выбросит, то, не увидишь ты меня, а я тебя. И вот что я тебе наказывала, то и делай: будет давать тебе папиросы курить – ты кури, молоко пить – ты пей, потом тебе жажда запалит, воды пить захочешь, то у ее будет два колодца в избе. Один колодец будет хрустальная вода, а другой колодец будет мутная вода, – там будет собака утоплена вроде, то ты скажешь, что тебе пить охота. Она скажет: „Пей, вода хрустальная, вот

здесь кружка есть“. Когда хрустальной воды выпьешь, то ты все забудешь и останешься с ней. А ты подойди, с того колодца возьми кружку и пей воду. Она скажет: „Что ты, Иван – купецкий сын, грязную воду пьешь?“ а ты скажи, что я и с кваском люблю пить. Вот она тебя из окошка и выбросит.

Он так и сделал. Ну, вот она взяла его из окошка и выбросила, а там лежала дорожка – лошадь ему тогда же сказала еще, когда он лез в нору:

– Это ты пойдешь в подземный свет, то там будут три богатыря. Эти богатыри сбивают за версту свистом человека, то ты, когда он свистнет, то он тебя не собьет еще с ног, ты поклонися ему, сними шапку и поклонись.

184

Так он и пошел.

Вдруг свист.

– Кто идет ко мне?

Иван скинул шапку и поклонился. Ну, вот, увидел это богатырь за версту, что молодой парень чего-то хочет спросить.

Он ему сказал:

– Ну, иди сюда, ближе.

Он подходит и рассказывает этому богатырю как ему отец лошадку купил, как он эту лошадку кормил, как хотела его мать провести. Богатырь все это выслушал и сказал ему:

– Я не могу тебя на путь направить, иди к моему среднему брату, тот, пожалуй, тебя на путь направит. Ну, вот, на тебе клубочек, когда он крикнет: „кто идет?“ – ты брось этот клубочек, вперед к ему, и он скажет: „Иди, иди, это брат направил младший ко мне“ и ему расскажешь все, как и мне рассказал, и скажешь, я направил тебя к ему.

Так он и сделал. Поблагодарил и пошел.

Вдруг версты за полторы слышит голос:

– Кто ко мне идет?

Он крикнул, пустил клубок, уже через минуту отвечает:

– Иди смело ко мне, Иван – купецкий сын!

Подходит к среднему брату, поклонился ему и сказал, как отец купил ему лошадку, как он катался, как мать хотела провести, как его лошадка направила сюда.

– Ну, хорошо, – сказал богатырь ему, – что теперь поздно итти, ты устал, молодой человек, отдохни, а утро мудреней будет вечера.

Тогда он лег отдыхать, то этот богатырь послал

185

своему брату известие, старшему, „что вот такой-то пришел ко мне, какой ему дать совет и что ему делать, и чем ему заниматься“.

То брат отвечает:

– Что пусть он завтра ко мне придет, то я сам направлю его на путь.

Утром он встает, помылся, ему говорит богатырь:

– Подзакуси, молодой юнош, а то далеко тебе итти до брата моего, не до того у которого ты был, а до старшего нашего, я спрашивал у его, так он хочет видеть тебя и он тебя направит на путь.

Вот он покушал, поблагодарил и отправился к ему. Но все-таки он дает ему такой самый клубочек: – Как он крикнет – ты бросай клубок, так он уже знать будет, что это идешь ты, и придешь к ему и поклонися и Расскажи ему, как и нам рассказывал, то он тебя сожалеет и направит тебя на путь. Ты будешь человеком и выйдешь ты тогда на тот свет, на котором был.

Вот он отправился за этим клубочком, а клубочек катится. Когда там показался голос, клубочек скрылся, осталась вроде дорожка, одна нитка. Вот он идет, только нитка убирается, а клубочка нету. То он приходит к этому дедушке, поклонился ему, рассказал, как ему отец лошадь купил, как его мать хотела провести, как его лошадь сюда направила, а старик сказал:

– Я знаю уж, ну, ступай же за мной.

Позвал его в склеп, взял черпак, из ведра зачерпнул пива черпак и подает ему:

– На-ка, выпей этот черпак пива.

И он выпил.

186

– Ну, пойдем-ка сейчас на улицу. Вот тебе лежит огромный камень. Ну-ка, – говорит, – молодой человек, попробуй-ка с этим камушком поиграть.

Он стал этим камнем играть, было еще тяжеловато.

Ему дедушка говорит:

– Да, еще маловато пива выпил. Пойдем-ка в склеп еще.

Вот они пошли в склеп, дедушка из другой бочки наливает ему обратным путем пива.

– Выпей-ка еще черпачок.

Он и выпил.

– Ну, пойдем-ка на уличку.

Лежит еще побольше камень.

– Ну-ка, поиграй с этим камушком.

Он этот камень подхватил, подкидывает все равно, как мы трехфунтовую подкидываем.

Дедушка видит, что ничего теперь, может владеть. Дедушка его спрашивает:

– Как себя чувствуешь?

И он и говорит:

– Вот, дедушка, если б был здесь столб вкопан в землю и утянут в небо, так я бы свет повернул, знаешь, в круговую.

– Да, – дедушка подумал, – дал силу ему большую уже, то теперь его никто не колупнет. Ну, ступай еще в подвал.

Наливает из третьей бочки три четверти ковшика пива.

– На-ка, выпей еще.

Он выпил.

– Ну, пойдем на уличку. Ну, поиграй с этим камушком.

187

Камушек ему показывается, что пудовая гиря. (Он ему силу убавил).

– Ну, как теперь себя чувствуешь?

А он отвечает:

– Что я стал слабее.

А дедушка сказывает:

– Довольно с тебя, что ты молодой, будешь прибавлять. А если так, как ты сказывал, что столб в землю и в небо и ты свет крутнул, то тогда не могла бы твоя лошадь и возить тебя, а теперь она сумеет тебя поднять, а то б ты был сильнее лошади. Ну, вот же, отправляйся этой вот дорогой, пройдешь, там будет нора, ты по этой норе будешь итти свободно, а под конец будет тесновата, то ты выйдешь на тот свет, где рожден. И когда ты выйдешь, то будет у этой норы пастух пасти свиней и у пастуха будет свиная шуба на нем от дождя, то ты как не можно старайся эту шубку откупить, дай ему свое пальто и дай ему придачу.

– А что, дедушка, я буду делать, когда я шубу, возьму у его?

– А ты должен эту шубу носить каким ты не будешь, пока она с плеч не упадет. Остатки твой добрый конь тебя будет

учить, что надо делать. Конь уже знает, что ты идешь, он дожидается тебя там. Как шубу оденешь, так лошадь явится.

Вот он и пошел. Выходит к пастуху. Пастух пасет свиней. Подходит он к пастуху и говорит:

- Здравствуй, пастушок.
- Здравствуй, здравствуй, молодой человек.
- Ах, у тебя шуба хороша, – он рассказывает.
- Да ничего. А как же – мы свиней пасем, бывают дожди, то такой замочит, что и деться мне негде будет.

188

– Да слушай, вот я дам тебе свое пальто, придачу, и ты придешь и скажешь: „Вот, дедушка, я поменял шубу на пальто, и взял придачу“, то и дедушка ничего тебе не скажет.

Пастух подумал:

– Это и правда, что пальто дороже стоит шубы, да еще и придачи возьму, а у дедушки есть там кож свиных, он еще сошьет мне.

Когда он скинул пальто, а пастух скинул шубу, он тогда дал ему сто рублей придачи. Пастух усмехнулся и сказал:

– Вот дурак, сто рублей дал и свиную шубу взял. Куда он в ей покажется.

А он живей от пастуха удирать. Несколько прошел, может быть шагов двадцать, является к нему его добрая лошадь и кричит ему:

– Здравствуй, Иван-царевич (уже царевичем стал).

Он отвечает:

– Какой же я царевич?

А он (конь) отвечает:

– Уже твоя царевна дожидается тебя давно. Ну, садись же на меня помягчей, а держись покрепчей, мы теперь поедем не по земле, а по воздуху.

Он когда сел на лошадь, действительно он земли не видал, но так показалось ему, что они едут четверть часа, а тут оказывается, что они уехали за тридевять земель в тридесятое царство.

Стоит город. Лошадь остановилась на земле уже и говорит ему:

– Ну, Иван-царевич, видишь – солдаты там работают, так это был, – говорит, – у государя бал, да полполка солдат выгнали кастрюли чистить, то ты иди туда к им и скажи солдатам: „Эй, вы, чистельники“.

189

А они скажут; „Эх, ты, свиная шубка, ты на-ка, попробуй вычистить“. А ты скажи; „Давай, попробую“. Ну, вот и берись чистить кастрюли, а потом тебе будут подавать все кастрюли чистить, ты только в руках поддержи – они будут чистые. (Лошадь будет чистить).

Вот он пошел туда в свиной шубке своей, подходит к солдатам:

– Здравствуйте! – говорит.

– Здравствуй, свиная шубка.

– Что вы делаете?

– А что ж, ты не видишь, свиная шубка, что кастрюли чистим.

– Да плохо вы чистите.

– Ну-ка, на, свиная шубка, ты почисти, тогда и скажи, что мы плохо чистим.

– А давай-ка, – сказала свиная шубка.

Он взялся за кастрюлю – кастрюля чистая. Кидают и другую – и другая готова.

Он и кричит:

– Кидайте сюда в костер, я все вычистю.

Ему подносят, он только берет в руки – и чистая. Когда он вычистил кастрюли, то солдаты собрали и дали ему три рубля денег за работу. Солдаты повезли кастрюли и он с ними пошел в город разом. И вот стоит гостиница. И он от солдат пошел в гостиницу. А солдаты повезли кастрюли в государский дворец.

Когда привезли они кастрюли и стали носить на кухню, повар увидал и спрашивает их:

– Кто вам чистил кастрюли?

– Да мы, – говорят, – чистили.

– Не может быть, чтоб вы так вычистили чисто кастрюли, да и скоро. Несколько разов чистили

190

вы кастрюли, которая чиста, которая не дочищена, а это что в одну руку вычистили (все ровно вычищены).

– Так нет, в самом деле, повар, мы чистили.

– Ну, не говорите мне.

А другие молчат и посмеиваются, один говорит:

– Да что нам, – говорит, – здесь обманывать.

Другой говорит:

– Это не мы чистили, это, – говорит, – подошел один в свиной шубке и начал смеяться, что мы песком трем, то мы ответили ему, что „на-ка, ты вычисти, посмотрим, как ты, свиная шубка, вычистишь“, и он хватил одну кастрюлю руками, провел – кастрюля чистая; мы дали другую – и другая чистая; мы стали ему подносить все – и все чистые. Мы не справлялись ему носить – как кастрюли чистые все. То мы ему за работу собрали кто десять, кто пятнадцать, кто двадцать копеек, накидали ему три рубля за работу.

А повар спрашивает:

– А куда же он пошел?

– Да он пошел с нами в город и остановился вот в такой-то гостинице, пошел пропивать, видно, три рубля этих.

– Так вот, на-те, тащите ему десять рублей,— сказал повар, – пусть он закусит с такой работы, да и скажите ему, чтобы он с вами пришел ко мне, такой человек нам годится, а денег я сберу ему купить пальто, шубу он сбросит.

Вот солдат побег в эту гостиницу. Приносит ему, подает этих десять рублей денег.

– На-ка, свиная шубка, тебе десять рублей денег, это послал повар от себя тебе за работу, что ты вычистил так хорошо кастрюли, так вот выпей,

191

закуси, и велел, чтобы я привел тебя к ему и сказал он, что нам такой человек годится.

– Так я и пойду (он вроде дураком сделался), а там по шее мне не дадут?

– Нет, нет, – солдат ответил.

– Да поздновато итти.

– Да не бойся, – говорит, – итти, да шубу сбросишь и пальто оденешь и на кухне будешь жить. Не надо по трактирам ходить корок собирать и свиную шубу носить, тебе и пальто купят, оденут, что барина.

– Да мне и в шубе хорошо.

Он действительно выпил, закусил и отправился с солдатом. Солдат его приводит на кухню, а повар уже и государю доложил, что вот, и кастрюли показал, что вычищены, и сказал:

– Я послал посланца, чтоб привели его сюда.

То здесь государь и государыня и три дочки дожидают его, молодца этого в свиной шубке.

Вот и он является с солдатом. Государь его и спрашивает:

- Ты кастрюли чистил?
- Я, барин.
- Откуль же ты?
- Не знаю.
- Как тебя зовут?
- Незнайка.
- Где ж ты проживал до этих пор?
- А по свету хожу, что кому сделаю, то по работе плату дают.
- Да тебя зовут Незнайка?
- Да, барин, Незнайка.
- Ты у нас останешься с поваром на кухне.
- А если можно, так остануся.

192

- Так у тебя и паспорта нету?
 - Дак если б был паспорт у меня, так я шубки не носил этой.
 - Так и оставайся у нас на кухне.
 - Ну, ладно.
 - А завтра мы тебе одежду дадим.
 - А мне хороша и эта (он духом не падает).
- Вот приносят ему на второй день одежду.
- Одень, Незнайка, одежду.
 - А мне хороша и эта.
- И сколько они его не мучили, он все шубу не снимает, а с работы жалко выгнать, работник хороший.
- Один раз к государю приехали сваты из другого царства и сватают меньшую дочку – красавицу. Тут пришел бал у их. Государь отказался от этих сватов.
- Мне надо отдать старших, а потом младшую.
- Вот один раз в прекрасное время государь собирает

гостебу. Незнайка уже два месяца прожил здесь, то когда он собрал гостебищу и вот такое-то кушанье назначил, чтоб было кушанье в определенные часы. А повар любил играть в карты – он пошел играть в карты и проиграл он долго. Пришел и немножко надо ему подремать, а он на Незнайку надеялся, что Незнайка его не прозевает.

– Я лягу спать, а ты, Незнайка, меня разбуди, будем готовить обед.

– Хорошо, разбужу.

Ну, тот, может быть, выпивши был и завалился спать, а к двенадцати часам, чтоб был обед готов.

193

– Ну, ты спи себе спокойно.

Повар надеется, что Незнайка разбудит его.

А Незнайка даже не трогал его.

– Спи себе.

Встает в пять часов и что приказано повару, делает обед сам, без повара.

Вот уже девять часов, а повар спит в темной комнате. Вот уже одиннадцать часов – повар спит. Когда государевы дочки прибегли на кухню и спрашивают:

– Обед готов или нет?

– А я почему знаю, готов обед или нет, – отвечает Незнайка, – я же не повар.

И спрашивают:

– Где же повар?

– А я почему знаю. Только сейчас вышел.

Вот уже половина двенадцатого. Повар спит. У Незнайки обед уже готов. Тут уже стали бегать бесперестанно:

– Готов ли обед?

– А я почему знаю.

– А где же повар?

– Да только сейчас вышел, – опять отвечает Незнайка.

Он пошел к повару.

– Повар, время вставать.

– А сколько время, Незнайка?

– Да скоро двенадцать.

– Что ж ты наделал?!

– Да я сам проспал.

– Ступай уже, подай веревку, я задавлюся.

– Так на что тебе веревку, я немножко подготовил, хорошо или нет – может быть как и сойдется. Я вижу, что ты спишь, ну и начал готовить сам.

194

Повар прибег на кухню, смотрит, что сказано – то все готово и начал пробовать, которое не покушает – вкусно, повар повеселел.

А Незнайка тут как тут:

– Что, повар, можно ли раздавать обед?

А повар отвечает:

– Можно.

Вот стали обед раздавать. Когда публика пообедала, поблагодарила государя и сказала:

– Мы такого кушанья не кушали, что ваш повар сделал. Вот вашему повару похвальный лист и вот ему тысяча рублей (насобирали денег).

Повар получил деньги, похвальный лист берет себе в карман, а деньги отдает Незнайке.

А Незнайка отвечает повару;

– А куда мне с деньгами?! В карты я не играю, выпивать я не выпиваю, одежи мне не надо, верхнее – мне и шубка хороша, а споднее и барин даст, а ты любишь в карты

играть и поиграешь, да и выпьешь.

Вот государь и говорит:

– Теперь вы сватайте мою младшую дочь, но мне надо отдать старших дочерей. Я устрою балкон такой и посажу дочь на третий этаж. Кто достанет ее и возьмет зарученное кольцо, тот будет моим зятем.

Вот они смотрят: кто ж может достать? А он устроил балкон при этой же публике и посадил свою дочь. Там собралась публика и городская и такая – деревенская. Каждому охота посмотреть. В такие-то часы она была посажена. Незнайка просится у повара:

– Пусти-ка меня, повар, я посмотрю, как будут доставать государя дочь на балконе на третьем.

195

– Ну, иди, – говорит, – посмотри.

Он вышел с государского дворца. Там уже публики было, что земле тяжело было. Он и крикнул:

– Эх, Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

– А что, Иван-царевич, будем доставать невесту тебе? Мы сегодня не достанем, а только людей потешим, – лошадка отвечает ему. – Полезай-ка в левое ухо, а в правое вылезай,

Вот он в левое ухо влез, а в правое вылез. Сделался таким молодцом, и свиной шубки нет на нем. Конь его и понес. Только на первый этаж заскочил конь. Все крикнули:

– Ура!

И государская дочь крикнула:

– Остановись на земле, я сама сойду (видит, что молодец хороший).

Но Незнайка только и был здесь. Мужики разинули рты.

Он взял, спустил свои калоши и по губам мужикам попало.

– Что рты разинули!

Потом лошадь опустилась на низ, он в правое ухо влез, с левого вылез и свиная шубка на нем оказалась опять, и приходит в государский дворец.

Спрашивает повар у его:

– Ну, что, Незнайка, видел?

– А ничего такого не видал. Только видал, что один подъезжал на коне, да только крикнули „ура“, так он спустил калоши свои, так двум мужикам губы рассек. А больше ничего не видал.

Свое дело начал делать.

Государь публику не распустил и на второй

196

день опять садит дочку на балкон. Незнайка опять просится:

– Пусти меня посмотреть, как будут государской дочки доставать кольцо.

Повар говорит:

– Иди.

Вот он и пошел. Вошел опять крикнул свою добрую лошадь. Лошадь к нему явилась.

– Ну, что ж, будем сегодня доставать?

– Сегодня мы только на второй балкон заскочим, – лошадь ему отвечает.

Он опять в левое ухо влазит, в правое вылазит. Делается таким молодцом, как и вчера был. И вскакивает на второй этаж балкона. Ну, и обратным путем отправляется тоже, калоши снимает, мужикам губы разбивает. Лошадь опускается на землю. Он в правое ухо влазит, в левое вылазит. Опять на нем свиная шубка. Он приходит во дворец, повар спрашивает:

– Ну, что видал, Незнайка?

– А я далеко стоял. Так что явственно не видел, только видел, что вроде как на втором балконе кто-то был, ну и мужикам тоже по губам попало.

Ну и пошел на свое дело опять.

Государь публику не отпустил и сказал – до третьего разу. Вот на третий день тоже садит дочку на балкон и кто будет доставать ее. Увидать хотя зятя своего.

Вот Незнайка опять просится у повара:

– Пусти меня, дяденька.

– Ну, иди.

Он опять пошел.

Вот крикнул он свою лошадку. В левое ухо влез, в правое вылез и катнул на третий балкон,

197

взял зарученное кольцо, там они обнялись, поцеловались. Она и говорит:

– Пойдем на пару стаканов чаю к нам,

– Нет, спасибо, – он отвечает, – я раньше буду у вас.

– А когда, у нас будет свадьба? – она спрашивает его.

– А через год.

– А как же мне тебя увидеть?

– А ты часто будешь видеть меня.

– Как часто?

– А так, чуть не каждый день.

– А ты меня?

– И я тебя чуть не каждый день.

И отправился Незнайка на своем коне на землю. Невеста слезла и пошла, а Незнайка уже дома. Когда лошадь опустилася, Незнайка в правое ухо влазит, а в другое вылазит, и опять свиная шубка на ем.

Вот приходит повар и спрашивает:

– Ну, что ты видел, Незнайка?

– Да ничего не видел. Только будто достал он зарученное кольцо. Сказал, что через год свадьба будет. Ну, вот я больше ничего не видал, не слышал.

И свое дело начал делать.

Вот уже принцы начали сватать старшую и среднюю дочку замуж. Тут же Незнайка на свадьбе был и она его видала, ну только не знала. А Незнайка знал, что тут невеста. Вот они уже живут и потом сестры и зятя стали смеяться этой красавице – младшей сестре:

– Тебе за отборки подкидает чорт оборки.

Он видит, что они стали делать насмешку ей

198

и она стала смутна. Он провел месяцев пять–шесть, не показывая никакого виду.

Вот в одно прекрасное время велел ему повар вычистить кастрюлю.

И он одел кольцо на руку и начал чистить кастрюлю. Повар увидел, что у него золотое кольцо.

Он подходит:

– Какое у тебя кольцо?

– Какое?! – Золотое.

– А оно именное?

Повар видит, что кольцо государственной дочери.

– Где же ты его взял?

– Где взял?! – На третьем балконе.

Тут сказали государю, что у Незнайки кольцо его дочери. Государь приходит и спрашивает:

– Где взял кольцо?

– Где? – на третьем балконе.

Прибегает невеста:

– Где взял?

– На третьем балконе.

– Ты тогда не такой был?

– Мало ль, что не такой был.

– А ты знаешь, я что говорила? '

– Знаю. Звала его на пару стаканов чаю. А он сказал, что я раньше буду. Говорил он так?

– Говорил. А как мы будем видеться?

– А каждый день.

Он говорит:

– То я видел тебя, а ты меня, я знал, а ты не знала. Тебе сказывали: за отборки подкидает чорт оборки. Я сказал – через год свадьба будет. Ну, вижу, что ты стала тосковать, так я задумал жениться за полгода.

Его бедняка из кухни – в комнату.

199

То государь ему дает большие деньги за то, что говорит, – не будь зятем моим, – а он отвечает:

– Где ваше слово? Тогда все можно изменить.

Государь видит, что делать нечего, надо свадьбу играть.

Вот он стал свадьбу делать, стали одежду давать, но он свиной шубы не скидает, поехал венчаться в свиной шубе. Споднюю одежду передеет, а верхнюю не снимает. Вот они поженились и спать легли. Вот она проживает с ним, не печалится, он шубу не скидает, сколько ему не предлагали.

Вот в одно прекрасное время он вышел на балкон и крикнул свою лошадь:

– Эй, лошадка моя, жить хорошо!

Лошадка ему отвечает:

– Рановато еще шубу скидать. Но все-таки давай устроим:

я пошлю в государский сад золотого барана, то тогда государь пошлет зятьев ловить того барана. Кто поймает – тому одна треть царства. Но барана никто не поймает кроме тебя. Но ты возьми с их за это с левой руки по мизине-пальцу.

Он только завернулся в свою комнату – баран появился. Государь собрал зятьев и заявил:

– Кто поймает барана – тому треть моего царства отпишу.

Два зятя ничего не думавши седлают коней барана ловить. Баран – шмыг через забор, и они погнались за бараном. Он просит государя:

– Папаша, дал бы мне какую лошадку. Может я поймал бы.

У государя был жеребец такой, что шесть человек с одной стороны и с другой стороны выводили, чтоб только он не кидался на народ.

200

– Выведьте, – говорит, – ему этого жеребца, хоть пусть он его разобьет.

Вот подводят ему этого жеребца, он идет к нему поближе и берет за уздцу этого жеребца и говорит им:

– Какой я слабый, такого мне жеребца привели.

Хватает этого жеребца на спину и пошел. Вытягивает за город и кидает.

– Эй, сороки, вороны, ешьте, это я прислал вам подарок.

А сам отправился в свиной шубе туда, куда баран пошел, догоняет своих свояков.

– Так возьмите меня в помочь, – сказал он им. – Будем ловить трое.

– Да куда тебя. Мы и одни хороши.

– Ну, ладно, так я побегу.

И вот прибег, скрылся, сделался старичком седеньким, и баран кругом его ходит.

Подъезжают царские зятья двое.

– Куда вы едете, молодые люди? – спрашивает у них.

– Да едем барана ловить этого, он в нашем саду ходил.

– Ого, так вы хотите моего барана взять. Нет, дорогие, нет. Хотя вы царские зятья, не таков тут бег в свиной шубке, со мной сразился и не знаю, куда он убег.

– Да мы, дедушка, тебе большие деньги дадим за этого барана, только отдай нам его.

– Баран за деньги к вам не пойдет. У меня у самого денег сколько у вас. А если желаете барана взять, то дайте мне с левой руки по мезеневому пальцу, я отрежу и болеть не будет у вас и

201

садитесь на лошадей и баран вслед пойдет за вами.

– Так больно будет, дедушка.

– Нет, не будет больно, а вас никто не видит. Будете ходить в перчатках и никто не узнает, что вы его купили у меня и вам государь отпишет третью часть царства и будет слава ваша.

Так они и сделали. Когда он отрезал пальцы, им не больно было.

Одели они свои перчатки, и он велит:

– Садитесь на лошадей.

И они сели на лошадей.

– Но, что же, приказать баранчику вперед итти иль сзади вас.

– А пускай в срединке.

Он велит баранчику:

– Ну, баран, иди к новым хозяинам.

Ну, баранчик отправился. Он остался здесь.

Через несколько время догоняет их опять.

– Так возьмите меня, свояки, вместе.

– Ну, куда тебе, небось пробег, да мимо. А мы все-таки поймали.

– Ну, и ладно, – сказал.

Он от них и пошел.

Подходит к лесу, вырывает сосну вершков на пятнадцать и тащит ее в город, прямо в государский дворец и кричит:

– Открывайте ворота!

Ворот ему не открывают. Он как уперся, столбы пошли вслед за ним. Вот притягает к крыльцу, государь и говорит:

– Для чего ты притащил ее?

– А это, батюшка, дрова будут.

Ну, вот, заставили солдат сосну пилить.

202

На второй день он обратным путем выходит на балкон и крикнул свою лошадь. Лошадь является.

– А что прикажешь, Иван-царевич?

– Да что бы нам устроить такое получше?

– Ну, я пошлю свинку – золотую щетинку. Акромя тебя никто не поймает ее, – лошадь отвечает, – то ты бери с их ноги по мезеновому пальцу.

Вот тут государь выходит на балкон и видит, что свинка – золотая щетинка разгуливает у его в саду. Он опять крикнул:

– Зяти мои, поймали баранчика, поймайте и свинку – золотую щетинку. Тогда еще половину царства отпишу.

Они опять лошадей седлают, уезжают, а царевна, его жена, приходит к нему в комнату и говорит ему:

– Вот те поехали ловить, а ты сидишь.

– Ну, может быть и я когда поймаю, – он ответил. – Ну, все-таки я пойду, попрошусь ловить, знаешь.

Вот приходит он к государю и рассказывает.

– Папаша, дай мне лошадь, я поеду.

Он отвечает;

– Какую тебе лошадь дать? Если не мог ты на той ехать, которую шесть человек с одной стороны и другой вели и то ты её на плечах понес. Так я пожалел людей, чтоб он людей не убил. Ну, иди, и бери какую хочешь.

– Я, пожалуй, лучше пешком пойду (он знает, лошадей таких нет).

А эти уже уехали далеко за этой свинкой – золотой щетинкой.

Он догоняет их обратным путем и говорит:

– Возьмите меня с собой.

203

Ему отвечают;

– Мы и одни хороши.

– Ну, ладно, – сказал он, – а если я побегу, да и догоню, то я тогда вас не возьму в пай.

– Ну, бежи.

Он своими полами махнул, так и лошади споткнулись ихние. Тут Незнайки и духу нет, не знай, где и делся Незнайка.

Они подъезжают, он сидит старичком, покуривает трубочку и они подъезжают к нему и говорят:

– Здравствуй, дедушка.

– Здравствуйте, здравствуйте, царские зятья. Куда, далеко едете?

– Да вот едем, дедушка, свинку эту поймать.

– Ого, – говорит, – а что же вы годовали¹ ее?
– Она в нашем саду была.
– Так надо было в саду и брать. А на дороге нечего ловить.
– Так мы, дедушка, купим у тебя. Большие деньги дадим.
– Да у меня денег столько, сколько у вас. А вот если желаете, то вчера я взял у вас из руки по мезеновому пальцу, а теперь дайте с ноги по пальцу, то и свинка пойдет, как баран за вами и получите у государя часть.
– А больно не будет? – они спрашивают.
– Что, – говорит, – вчера болело у вас?
– Нет.
– Ну, и сегодня болеть не будет.
И они скидают сапоги, он вырезывает им по пальцу. Велит садиться на лошадей, а свинка сама вслед побежит. Он и говорит:

204

– Ну, свинка, ступай к новым хозяевам.
Свинка хрюкнула и пошла. Он опять догоняет, опять просится в пай. Они опять его отказали от себя.
– Куда ты, – говорят, – годен нам.
– Ну, ладно, мне и так хорошо, – ответил.
Сам отправился от них. Обратным путем заходит в лес, тоже вырвал сосну и тягнет по городу. И тратуары вырвал и мостовые поковырковал, все-таки ему боятся сказать, что он везет. Вот они видят, что он тягнет сосну опять, то они стали ворота открывать, чтоб со столбами не пошли ворота. Он подходит к воротам:
– Вот молодцы, и ворота открыли. Знают, что я дрова несу. И он приносит, а солдаты еще и тую сосну не убрали.
– Убирайте другую!

¹ Растили.

Ну, ему здесь ответ никто не дал уже больше. Он запел песенку и пошел в свою комнату.

Вдруг является жена его:

– Ты хоть иди, когда будет отец отписывать, то пусть нам даст гденибудь, хоть один город.

– А нам и тут хорошо.

Она сохмурилась, пошла, а он песенки запеваёт, ничего не унывает. Но вот, государь отписал и остается у государя половина царства, можно сказать.

Он ночь переночевал, опять уходит на балкон. Крикнул свою лошадку.

– Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась и спрашивает у него:

– Что надо, Иван-царевич?

205

– Да что бы придумать, а то у меня жена почти что в чахотку впадает, мне жить хорошо, но не очень весело.

Лошадка ему и отвечает:

– О, Иван-царевич, еще много муки надо принять, чтоб эта свиная шубка с твоих плеч упала, ты помнишь, как тебе сказал дедушка?

– Помню.

– Ну, помнишь, да не знаешь, а я знаю, что мне дедушка передал. Так вот я пошлю еще быка золоторого в этот сад, апречь тебя никто не поймает. Ты сделайся таким сивеньким старичком и проси у государя лошадь и он тебе будет давать лошадь вот такую-то. А ты возьми лошадь, на которой воду возят. Эта тебя понесет (лошадка знает, какая лошадь понесет).

Сам отправился в свою комнату и песенки запеваёт.

Вдруг государь глянул в окошко, видит по саду ходит бык

золоторогий, роги блестят золотые, он и говорит:

– Ну, зяти, поймали баранчика и свинку, то поймайте и быка золоторогого.

Вот они и отправляются ловить, а Незнайка в комнатах сидит.

Приходит к нему жена и говорит ему:

– Незнайка!

– А что?

– Да вон поехали ловить быка золоторогого.

– Так и я поеду.

– Ну, так поезжай.

– Пойду просить у папаши коня. Они давно уехали, я пешком не догоню.

Вот приходит.

206

– Папаша, дай мне лошадку, может я быка золоторогого поймаю.

Государь велел вывести жеребца огромного такого, дикого. Вот его ведут вдвоем: один с одной стороны, другой с другой, на арканах. Незнайка подходит к этому жеребцу. Берет этого жеребца за голову и говорит этим:

– Отойдите отсюда.

Эти отскочили от жеребца, а жеребец стоит, что вкопанный. Он стал вроде как садится на него, как притиснул, так и ноги поломались у жеребца, жеребец упал. Он бросает этого жеребца, а тут как раз водовоз приехал за водой и он подскакивает к водовозу, не распрягал, а сверху хомут сорвал и лошадь стала свободна. Садится на ее и говорит:

– А то дают такую лошадь, что может убить меня.

И выехал на улицу, так с подков только искры летят (как

понесся на этой лошадке!..) И догоняет их. Они смотрят, что такой стук идет им вслед.

– Смотри, – говорят, – вот Незнайка едет на той лошади, что воду возят.

Подъехал к ним.

– Ну, теперь я на лошади, теперь поедем вместе, я не отстану от вас.

Ну, вот, едут, он не отстает от их, а бык дальше, дальше. Ему надоело с ними канителиться.

– Так хоть вы скорей поезжайте, а хоть я.

– Ну, так поезжай ты, – ему сказали.

– Ну, ладно, – он сказал, – я поеду может я его и поймаю. Ну, прощайте, счастливо!

– Вот чорт навязался.

207

И он укатил. Бык с глазу скрылся и Незнайка скрылся. Уже Незнайки нету. Бык ходит и траву ест, а старичок вверх бородой спит. Они подъезжают и говорят:

– Вот тот дедушка спит уже, у которого мы купили свинку – золотую щетинку.

– А давай, – говорит, – возьмем быка, пусть спит, – один говорит.

А другой:

– Так нам не поймать его.

А Незнайка все это слушает. Подъехали они к быку, чтоб закинуть на быка веревку (веревка была у них). Когда один закинул на рога веревку, так бык своим рогом как шаркнул, так и с седла слетел. То он и прохватился:

– Ого, какие вы ловкачи. А еще царские зятья. Да и в воровство пускаетесь. Это совестно вам.

– Ну, прости, дедушка, – говорят.

– Ну, так вот, если желаете бычка взять, то дайте я вырежу у вас на плечах по значку.

– Так будет больно.

– Если я пальцы вырезал, так больно не было, так и это болеть не будет, а бычок за вами идет вслед.

Они скинули свои пинжаки, подняли рубашку, он с плеч по куску мяса у их вырезал.

– Ну, теперь садитесь на лошадей, бык вслед пойдет.

Они сели.

– Кто ж такой есть в свиной шубке? Вот уже третий раз он со мной сражался, хотел барана отступить и свинку – золотую щетинку и быка золоторогого, ну я ему предложил тое самое, что

208

вам, так ой не согласился. А деньги большие давал.

Вы его не знаете?

– Не знаем, дедушка.

– Я по наслухам слышал, что он тоже государский зять.

– Да нет, такого у нас нету.

– Да он, кажется, с виду немного дураковатый?

– Да, пожалуй, дедушка, правду ты сказываешь, нам обманывать нечего. Действительно государский зять – да дурак он и есть.

– Да вот если бы ты сказал государю, да я бы его мог провести.¹

– Так мы и скажем. Где ж тебя, дедушка, увидеть.

– Я буду там у вас и видать будете меня, только знать не будете. Ну и отправляйтесь.

Они поехали. Через несколько время Незнайка догоняет их опять.

¹ Сгубить.

– Ну, так что, примите меня в пай?

– А ты что, ловил с нами?

– Нет.

– Ну, так и пая нет.

– Ну, ладно. Пользуйтесь.

Тисканул свою лошадь и лошадь его понесла. Эти остались с быком ехать тихонько. Он подъезжает, опять сосну ворочает, на плечи кладет, а сам на лошадь садится и раньше их приехал. Сосну бросил. Сам в комнату пошел. Вот приходит к нему жена.

209

– Ты того не ловишь, что люди ловят, а только сосны возишь.

– Так я знаю, что дрова надо. А что ж мне делать. Я попросил у их, они меня не принимают. Так они все-таки вдвоем, а я один и опасновато с ними дружбу вести, они могут убить меня – двое, то я попрошуся – и дальше от них. Так мы теперь отпишем им, оставим себе четвертую часть. Нам хватит и комнаты, довольно будет.

– А как же мы будем жить? (Она его зудит. Бабы, знаешь, любят зудить).

– А как люди живут, так и мы будем. Ты все много хочешь, а я и маленьким проживу.

Действительно, они приехали, привезли быка. Государь стал отписывать им царство. Она опять приходит к нему и говорит ему:

– Иди, проси у отца, пусть и нам что-нибудь даст.

А он отвечал ей:

– Ты ж дочка его, то ступай и проси у его, чтобы он дал тебе что, отписал, а мне не надо.

Ну, она и не пошла, заплакала и пошла в другое

помещение, а он ей отвечает:

– Ты не плачь, дура. Они больше поплачут нас.

Она плюнула и пошла и разговоры не хочет слушать.

Ну, вот, когда уж эти зятья стали царствовать – три части им, а четвертая государю, а Незнайке ничего (одни только комнаты, где они сидят).

Потом Незнайка видит, что жизнь плоховата, как ему лошадка сказала – не скоро шубка упадет с него. Но и самому надоела шубка, чтоб скорее

210

сбросить ее, а она не сходит с плеч. То он вышел на балкон и крикнул:

– Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и спрашивает у него:

– Ну, что, Иван-царевич, надо?

– Да ты больше знаешь меня.

– Я то знаю, да спросить должна, ты владеешь мною, ты мой хозяин, я должна повиноваться тебе, ты постарше меня. Ну, вот, теперь я скажу тебе, – лошадь отвечает, – на это царство пошлю войну и пошлю богатыря напротив тебя, но ты этого богатыря победишь. (Раньше богатыри воевали, а потом солдаты выступали). А в вашем царстве по спискам богатырей нету, и ты будешь сам воевать с богатырем.

Ну, вот, такое-то государство присылает телеграмму в это царство: „Я иду войной на твое царство и у меня есть богатырь Була-королевич“. Государь прочитал эту телеграмму, от такого числа начинается.

Он стал по комнатам ходить, зятьям говорить, что война большая, сила большая у этого государя. Они думают:

– Как же тут воевать? Ну, все-таки попробуем.

А Незнайка в своей комнате сидит, да песенки поет. Вот

подносят Незнайке эту телеграмму. Незнайка взял в руки – вроде такой грамотей, как я.

– Э-э, дурачье, буде есть за что воевать итти, я не пойду, мне и тут хорошо.

Они берут из рук его телеграмму.

– А что, – говорят, – с дураком разговаривать!

Вот они пошли, а Незнайка песню запел:

„Эх, война, война...“

211

Они отправились на войну, а Незнайка остался дома. Проходят сутки, проходят другие. Незнайка все дома сидит. Вот в такие-то часы будет открываться огонь (значит, война начнется). И он на третьи сутки призывает жену и говорит ей:

– Смотри, я пойду в огород, в капусту, если где со стороны будет итти война, то беги ко мне в капусту.

Сам отправился.

– Ну, и досвиданья, неси тебя чорт, – это она.

Незнайка пришел в огород. Никто первый раз не видел его. Ковырнулся и нет его. И он крикнул:

– Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка бурка явилась. Притащила ему меч богатырский, панцырь – богатырскую одежду.

– В левое ухо полезай, в правое вылезай. Садись помягчей, держись покрепчей. За три минуты будем там.

Остается только десять минут до открывания огня. За три минуты стал там. Тут государь, тут зяти. И он подъезжает, здоровается с ними и говорит им;

– Вот я знаю, что богатыря нету, так я приехал пособить вам.

– Пожалуйста, – говорит государь.

– Ну, вот я приказ вам дам: выкатить солдатам несколько бочек вина и пусть они пьют, а я уеду вперед один на войну, а вы сзади за мной посматривайте, а солдаты пусть пьют, да не дерутся меж собой.

Ну, вот он и выехал, схлестнулся с этим богатырем. Богатыря сбил, то там поставляют войска. Он как махнет – и войска летят. То тот государь заключает мир. Прошла сутки война эта. Заключили мир, приезжают они в город, он и пошел по

212

солдатам смотреть. Взял государя, государских зятей забрал и пошел. У которого нос разбитый, у которого ухо, у которого рука поврежена. Он и говорит государю:

– Вот, государь, нужно лечить этих солдат, которые разбитые (а они подрались сами с собой). Каждый скажет, что они на войне были и они все-таки воевали. Без войны нос не отшибить и ухо не отбить.

Государь сказал:

– Ладно, молодой человек, это все будет исполнено.

– Ну, и прощайте, – сказал государю.

Государь его зовет на пару стаканов чаю:

– Ко мне заедем, вы такую мне пользу сделали и вы не хотите ко мне заехать.

– Нет, мне некогда, а может я раньше буду у вас.

Сам только и был.

Приезжает в капусту, что только домой телеграмма приходит – война кончилась, мир заключен.

А Незнайка в шубу наломал и несет на кухню капусту.

Вот Незнайка приносит капусту к повару и говорит:

– На, не надо трудиться, я двое суток в капусте сидел, дожидал войны.

Приходит жена к ему.

– Где ж ты был двое суток?

– В капусте, я же тебе сказывал, будет война, приди ко мне в капусту, я отобьюся. Мне хотя и скучновато было, но делать нечего, я все-таки услышал, вы будто телеграмму получили, что мир заключили, вот я и капусты принес.

Та повернулась и пошла.

213

А Незнайка песенки запекает.

На третьи сутки они приезжают. Вот рассказывают, как война была, как и у их богатырь приехал, как он с Була-королевичем дрался, как он войско ссадил один, как он ходил по солдатам, что солдат напоил и подхваливал. Что „вот молодцы, на войне были, у которого нос извороченный, у которого ухо отбито, у которого нога ушиблена, рука“.

– Что ж вы его не звали сюда?

– Да не поехал, сказал, что некогда, только сказал, что раньше, может быть, вас буду.

– А где-же Незнайка был?

– Да в капусте. Он капусты целую шубу свою свиную принес. Не надо вестовых в огород посылать за капустой, хватит на всю неделю.

Прошли сутки-двое и опять вызывает свою лошадку.

– Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и говорит ему:

– А что требуешь, Иван-царевич?

– Да послать еще на моего государя войну и богатыря вот такого-то.

Сивка-бурка так и сделала.

Другой государь шлет телеграмму, что „я иду с другой стороны войной“. Вот он, когда получил телеграмму от

такого-то числа, вот такой-то час откроется у нас огонь. Вот они опять начали думать-гадать. Делать нечего, на войну надо отправляться. Вот они собираются на войну и говорят:

– Да у нас богатыря нету. Хотя б подъехал этот, который подсоблял нам. Но он же не знает, да и мы его не знаем, где он.

214

Вот они подносят Незнайке эту телеграмму, а Незнайка им отвечает:

– Так вы мне прочитайте, я же неграмотный, то я послушаю, как вы воевать будете, а мое дело – в капусту. Я смело надеюсь, что придут сюда, так огород большой, капусты насажено, я многих собью ей.

Вот они и пошли (ну, что с дураком говорить больше). А Незнайка песенки напевает:

– Хорошо нам будет в капусте...

Они двое суток, как уехали и приказали они домашним, чтоб поставили стражу в капусте, как он будет сутки там сидеть. Приходят третьи сутки и он отправляется в капусту. А там не знал, что поставлена стража. И он пришел и повалился в капусту, а стража его не могла найти в капусте, то он потребовал свою Сивку-бурку.

– Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

– А что, Иван Савельевич, прикажешь?

– А ты больше знаешь меня, для чего я требую тебя.

– Но, хоть больше знаю, а спросить я должна тебя, как ты хозяин мой, то полезай в левое ухо, в правое вылезай, одевай богатырские спехи-доспехи и садись помягчей, держись покрепчей, за четыре минуты мы будем там, нам остается только двадцать пять минут до открытия огня. Но солдат

опять напой, пусть они сами с собою повоюют, а мы с тобой там справимся. Государскую свиту за собой возьми.
Он приехал и приказал солдатам:

215

– Солдаты, пейте, да только друг другу морду не бейте.

Солдаты уж были те, которые раньше были на войне с им, а некоторые новые. Вот старые сказывают:

– Он господин хороший, мы один раз напилися, кому нос разбили, кому ухо отбили, кому ногу выдернули, кому руку, то он приехал и всех похвалил, что вот молодцы, как воевали хорошо. Так я знаю, что и теперь будет так.

Солдат солдату рассказал и начали выпивать, закусывать. И они отправились на позицию. То он схватился с богатырем, одного сбил богатыря, налетел другой – он и другого сбил. Ну, а с солдатами он уже скоро разделался, то тогда государь видит, что здесь ему не устоять без войска, богатырь один воует, богатырей сбил, а солдаты что снопы валятся. Он поскорей заключает мир и сказал:

– Век с тобой воевать не буду, пока я жив буду.

Они ворочаются в город, но солдаты действительно пили, но друг друга не обидели, и говорит им:

– Эх, вы, солдаты, на войне были и никакой отлички не заслужили, хотя бы одному нос избили.

Ему отвечают:

– Мы ваше приказанье слушали, что вы сказали что друг друга не обижать, но вот так оно и прошло.

– Ну, так вот, государь, дай им еще на сутки погулять, сколько они хотят пить.

Солдаты и крикнули:

– Спасибо тебе, молодой человек, что ты не забываешь солдат.

– Не надо забывать, они еще мне пригодятся. Бывайте здоровы, все наши солдаты, я об вас каждый раз думаю, а обо мне, кажется, ни один не вспомнит.

– Как не помним! Мы помним тот раз, как вы были. Да сейчас мы помнить будем, пока жить будем.

– Ну, спасибо вам. Через несколько время визнаете меня, какой я буду для вас.

И уехал домой. Государь стал его просить:

– Молодой человек, сделай милость, давай, поедem ко мне.

– Спасибо, государь, я заеду к вам, когда вас дома не будет.

– Так я вас и не увижу?

– Конечно, не увидишь, раз дома не будешь. А хоть и дома будешь, ничего не скажешь. Ну, прощайте!

Сел на лошадь и шмыгнул. За четыре минуты оказался в капусте. Еще и телеграмма не получена, то встает он с капусты, с своего места, где он упал, подымается, расстилает свою шубу и ломает капусту и кладет в шубу, несет на кухню и подает повару.

– На, повар, готовь обед, капуста своя, не надо вестовых посылать за капустой. Я там двое суток лежал, да думаю капусты принести.

Тут приходит телеграмма, что заключен мир. Война кончилась. А Незнайка песенки запекает.

Вот приехали они с войны и стали хвалиться, как они воевали, как был у их и богатырь тот же самый, который и на первой войне был.

– Да где же наш Незнайка был? – спрашивает государь.

– Да в капусте пропадал.

– А стража была?

– Была, только его не могла найти. Только видели, как он в капусту упал пришедши. Да, вот, в такие-то часы он в капусте выстал и начал ломать капусту и нести на кухню.

– А мы в такие часы телеграмму еще не писали. Ну, ладно, про него нечего сказывать, дурак, так дурак, и пусть живет в своей комнате, может когда спотыкнется и он. А эти умные растут зятья, слава идет, а дурак песенки поет.

Вот прошло дня четыре, он опять выходит на балкон, требует свою лошадку и говорит:

– Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Тут же Сивка-бурка вернулась к нему, спрашивает:

– Что, Иван-царевич, прикажешь?

– Да сама знаешь, что надо делать.

– Знаю-то, знаю, а спросить я должна, что ты мой хозяин. Ну вот же, Иван-царевич, теперь будет война, так война и в капусте будет тебе плохо сидеть, если эту войну собьем, то собьется у тебя свиная шубка и ее больше не увидишь. И я пошлю войну с такого-то царства, с такого-то государства, и у того царя есть три богатыря. Тебе придется биться с тремя богатырями. Двух ты легко собьешь. Но третий будет с тобой наравне, так ты все-таки собьешь двух богатырей, так и с третьим надо сбиться, то ты здесь ослабеешь и будешь ранен. Ну, я буду стараться пособить тебе. Ну, а солдатам по кружке вина дай и пускай вслед идут, может придется сразиться войсками.

Вот Незнайка отправился в свою комнату и

видит, что там забежали вкруговую. Он стал подслушивать. А

там пришла телеграмма, и три богатыря, и такие-то силы – войска, и в такие-то часы уже третий государь наступает. Вот они прочитали телеграмму и подносят Незнайке.

– На-ка телеграмму, прочитай, Незайка.

А Незайка им отвечает:

– Что же вы надо мной насмешку делаете? Я ж неграмотный. Вы давно знаете, что я неграмотный, а вы подносите телеграмму, чтоб я читал. Вот, возьми, прочитай, я послушаю.

Вот и начали читать про эту войну, то Незайка сказал:

– Угу, это, пожалуй, и в капусте не усидишь, эта война, так война, эту войну долго будешь помнить, а я все-таки попробую в капусту спрятаться. Надежа у меня есть на капусту, огород большой, я, пожалуй, отобьюся кое-как от них.

– Так ты поезжай за нами на войну и посмотришь, как воюют.

– А что ж я – дурак, голову нести на войну. Вам надо, так вы воюйте, так вы же получили три части государства, то вы воюйте, а у меня одна комната дана. Вот, когда придут сюда, так я тогда капустой стану отбиваться, чтоб не отдать им комнаты зря.

Вот они говорят:

– Да что с дураком говорить!

Повернулись и пошли. Пришли и государь говорит:

– Ну, что?

– Мы предлагали ему, чтоб он ехал на войну, а он сказал, что „мне и здесь хорошо. Вы получили три части царства, ну, так и воюйте, а когда

придут сюда, то я буду комнату свою отбивать, капустой

буду воевать“.

– Ну, так беседовать некогда, – сказал государь, – пусть остается в капусте, а нам надо ехать.

Вот они отправляются на войну, а он двое суток сидит дома, все хлопочет.

Остается ему один час до открытия огня и зовет свою жену к себе:

– Иди-ка, дорогая, сюда, – и она пришла к нему.

– Ты, дай-ка мне рубашку чистую и подпиши имя свое на рубашке и дай мне носовой платок свой и дай твое кольцо, которое я у тебя достал на балконе. Это будет мне твоя память. А я отправлюсь в капусту. Ну, и прощай, дорогая, больше ты свиной шубки не увидишь, пожалуй, что я вернусь в таком виде, как был с тобой на балконе, и ты не скучай, ты думаешь, кто воевал, какие богатыри? Это я. Я сейчас еду туда. Стража стоит караулит меня.

Тут она бросилась ему на шею.

– Эх, милый мой, чего же ты не сказал раньше?

– Нельзя было, теперь, может быть, вернусь, а может быть нет. Если буду побит – убьют меня, то только они узнают, зятя и государь, по твоей рубашке и по твоём носовом платке и по том по золотом по именном кольце узнают, что я Незнайка, а я теперь капусты не понесу больше, капуста пусть растёт.

Когда он оделся и стал собираться в капусту, то она вдарилась в слезы. Он подает ей эти приметы, которые он взял у зятей.

– Вот эти приметы взял у зятей за баранчика по мезенцевому пальцу с левой руки, видала, что они перчатки никогда не скидают?

– Видела, что не скидают.

– А вот это – пальцы мезенны с ног. Когда быка золоторого я взял и с плечей по ремню вырезал. Вот они ремни-то, я жил с тобой, красовался над тобой, а ты надо мной насмежалась, то все равно, хотя убьют меня там, но меня все равно привезут сюда. То тогда, когда они будут хвалиться, что им отец отписал царства, так ты им покажи и скажи: „А Незнайка от вас вырезал пальцы с левых рук за баранчика, почему вы перчатки не скидаете? А за свинку – золотую щетинку не отдали ли вы Незнайке по пальцу? А за быка – золоторого не вырезал у вас Незнайка с плеч по ремню?“. И вот, помалкивай, пока не придет конец. А если я живой буду, то я сам буду показывать эти пальцы, а если убьют, то ты будешь царствовать всем царством.

Она и говорит:

– Побеседуй хоть со мной немножко.

А он говорит:

– Остается всего двадцать минут. Пять минут мне надо ехать туда.

Вот они обнялись, поцеловались, она и зарыдала, когда он пошел в капусту.

У ее сестры и спрашивают:

– Почему ты плачешь так? Наши мужья на войне и то мы не плачем, а ты плачешь, что твой пошел в капусту.

А она и ответила им:

– Я оттого плачу, что я несчастная. Ваши мужья воюют, а он меня все капустой кормит, оттого я и плачу.

Он прибег в капусту, ковырнулся и крикнул:

– Сивка-бурка, стань передо мною, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась, спрашивает у него:

– Что Иван-царевич, прикажешь?

– Да вот ты сама больше знаешь.

– Знаю, знаю, Иван-царевич. Ну, влезай в левое ухо, а в правое вылезай.

Он так и сделал. Стал молодцом. Богатырские доспехи на нем.

– Ну, садись помягчей, держись покрепчей. Шесть минут нам езды. Остается нам десять минут до открытия огня.

Он и свистнул не по земле, а по воздуху. Когда приехал туда, то уже на позиции были наряжены пушки и солдаты. Он и говорит:

– Ну, вот и я приехал.

– Ну, спасибо, молодой человек, что приехал. Прозевал немножко, некогда было и солдат угостить.

– Ну, после войны угощу, не я, так государь угостит вас по моему слову. Ну, вы тут оставайтесь, а я выеду. Когда я ослабею вы грудью идите.

Вот он и выехал воевать.

Двух богатырей он сбил, подскакивает и третий, и он цельные сутки дрался с этим богатырем, этот богатырь отрубил ему палец на правой руке, и никак друг друга не собьют. Лошадь ему и сказала тихим образом:

– Вот стоит дуб, возьми этот дуб – брось на его.

Он схватил дуб и бросил на этого богатыря, богатырь под дубом согнулся, а он в тое время богатыря прикончил и потом стал с войском воевать. Так тот государь видит, что тут не уха, тоже заключает с им мир и сказал:

222

– Больше воевать не буду, пока жив буду.

То государь вынимает свой носовой платок, завязал палец Ивана. Он тогда и говорит:

– Ну, теперь, государь, угости солдат, пусть они трое суток погуляют, они все-таки на войне были.

Отправляется он домой, государь его просит хоть на пару стаканов чая заехать к нему, а он отвечает:

– Заеду, заеду, ну только ты раньше дома будешь меня.

Вот отправился он. Как он трое суток дрался без просыпа на войне, он ехал домой, его взморил сон и он на лошади заснул, то лошадь его привела в государский сад и поклала его в беседку спать (беседка была в саду).

Тут и государь приехал с войны и вот рассказывает, как воевали, и зяти рассказывают, как богатырь дрался, как он двух богатырей сбил легко, а с третьим – сутки дрался и все-таки сбил. А Незнайки с капусты нету.

– А где же ваш Незнайка?

– Да в капусте.

– Да что он долго сидит?

А его жена отвечает:

– А может быть его не будет уже? Ну, а богатыря, папаша, не убили там?

– Нет, остался живой.

– Живой?! Так что же он сказал?

– Да сказал: заеду.

– А хороший он был? (Она спрашивает, ей интересно).

– Да, хороший, – говорит, – и красив, и такую силу имеет. Вот был бы тебе жених, а не такой, как Незнайка.

Она усмехнулась.

– А если, папаша, он приедет – да станет свататься, отдадите замуж меня за его?

– Да я бы отдал бы с большой души. А Незнайку куда ж денешь?

– А Незнайка сказал, когда шел в капусту, что я больше не вернусь сюда. Больше ты шубы моей не увидишь свиной, а хоть и вернется, я попрошу богатыря, чтобы он сгнал отсюда Незнайку.

Вот они беседуют. Государь глянул и говорит:

– Гляньте-ка, лошадка нашего богатыря в саду ходит. – Сходите, возьмите хоть лошадку его, а может быть и он в саду где спит, как измучился.

Государские зятья побегли в сад, видят, что богатырь в беседке, лошадка как на них бросится и не пускает близко. Тогда его жена пошла туда. Когда жена пришла, лошадка пропустила в беседку. Она открыла пальто, посмотрела, тая рубашка, что она давала, посмотрела в карман, тот же платок носовой. Она посмотрела на руки – кольца нет на пальце, посмотрела в карман – кольцо в кармане. Она пошла домой, взяла подушку, подклала ему под голову и сама возле его легла. Вот идут смотреть, а лошадка близко никого не допускает.

Вот когда он прочинается и говорит сам себе:

– Да, не пришлось бы мне еще одеть свиной шубки?

А она отвечает:

– Ты сказал, что больше свиной шубы не будет.

– Да, пока ее нету.

Вот он встал, сел, закурил и говорит ей:

– Ты ничего не сказывай, помалкивай, что я твой муж. Я буду просить, чтобы отец отдал тебя

за меня замуж. А ты не соглашайся, ты скажи– у меня Незнайка есть, а я буду сказывать, что я Незнайку кончу, больше Незнайки не будет здесь.

Вот и пошли они рядом, и лошадь пошла, и он велел

лошадь убрать в конюшню. Но там боялися к лошади подойти. Но он говорит:

– Берите, лошадь смирная.

Лошадь повели, а они стали здесь угощаться.

Когда стали угощаться, этот молодой человек, богатырь, сделал предложение государю.

– Что это, барышня у вас, аль нет?

Ему сказывают, что она была замужем за каким-то Незнайкой.

– А где же он находится сейчас?

– Да не знаем. Пошел в капусту, там уж пять суток нет его.

– Так, может быть, он и не придет? А хоть и придет, я расправлюся с ним, а все-таки отдайте замуж за меня вашу дочку.

– Я согласен отдать [отец говорит].

Она:

– Я не согласна итти. Ко мне придет Незнайка мой, да и будет жить со мной. Должно быть судьба моя такая, то судьбе придется покориться.

– Такая красавица ты, а за свиной шубкой гонишься. Покажи-ка хоть комнату свою, где ты с Незнайкой почивала.

– Показать-то я могу, ну только я в ней мало находилася. Ну, пойдем, я покажу.

Вот и пошли.

– Давай-ка мне эти предметы, которые я дал тебе.

Она подымает подушку и подает ему. Он кладет их в карман и отправляется туда, где беседуют.

И вот начали опять там выпивать, закусывать... Они и говорят:

– Вот, знаешь ты, молодой человек, какое у нас есть чудовище?

– А какое?

– Да вот мы поймали баранчика, свинку – золотую щетинку и быка золоторогого.

– Так вы покажите мне их.

– А можно их сюда привести из сарая?

Вот велят они принести этих всех троих.

– А где ж вы взяли?

– А мы, – говорят, – поймали.

– Где вы поймали?

– На дороге.

– А вы ни у кого не покупали их?

– Нет.

– А чтой-то такая жарница, а вы в перчатках ходите?

– Да так, привыкли в перчатках ходить.

– Сбросьте-ка перчатки, покажите свои руки.

Они не скидают. Он руку в карман.

– Это не у меня вы купили баранчика? Не ваши ли пальцы? Не ваши ли пальцы с ноги за свинку – золотую щетинку? А это не за быка золоторогого с плечей я вырезал по ремню? Я просился у вас вместе ловить, а вы мне что сказали?

Им совестно стало и они тут при публике выхватили по левольверу и сами себя застрелили.

Ивану-царевичу остается все царство. Тогда и царь узнал, кто воевал. Вот их похоронили, тут пошел пир на весь мир, и я там был, мед, вино пил, в роте не было, по бороде не текло. Дали мне пук иголок, я кинул – стал ежик и посейчас колок.

ИВАН – КУЗНЕЦКИЙ СЫН

Жил в деревне кузнец. Он хорошо занимался. Дохода у него было порядочно. Но ему показалось маловато этого дохода. Он стал придумывать, какое себе устроить чудище?

– А давай, сделаю я, старуха, железного волка, на которого будут люди приходить, работу приносить и железного чудовища, волка смотреть.

Он работает день, работает второй, приходит домой обедать.

Жена спрашивает:

– Ну, что, сделал железного волка?

Он сказал:

– Кончу завтра.

На третий день сделал железного волка до обеда. Приходит домой обедать и говорит своей старухе:

– Я кончил волка.

Жена подала обед, а сама взяла ключи и махнула – быстро прибежала в кузницу смотреть железного волка.

Когда она пришла в кузницу, волк открыл рот и проглотил бабу.

227

У этого кузнеца было двое ребят: Ванька был побольше, а девчонка была поменьше.

Он и говорит своим ребятам:

– Ну, смотрите, ребята, не уходите в кузницу; никуда до прихода скотины не уходите, а я пойду в кузницу, я там ей жару задам, что она не может насмотреться на волка.

Вот он приходит в кузницу, открыл кузницу– волк и его съел. Ну, когда он сказал, чтоб ребята в кузницу не ходили – они не ходили.

Вечером идет скот, и они открывают ворота загонять

своего быка (у них был бык). Бык остановился в воротах. Иван – кузнецкий сын сказал:

– Что ты, бык, в воротах стоишь? Ты иди в свой сарай.

А бык ему отвечает:

– Да, Иван – кузнецкий сын, я остановился в воротах, – твой отец сделал чудовище, а это чудовище превратился в Змея. Он съел твою мать и твоего отца, а ночью придет за вами.

Иван – кузнецкий сын заплакал.

А он говорит:

– Ты не плачь, Иван, я пойду в сарай, а ты ступай приberi посуду, помой ложки и поклади все по местам. И потом приходи ко мне в сарай спать, я тебя спасу.

Иван – кузнецкий сын все это сделал, а сам отправился к быку.

В двенадцать часов ночи приходит Змей в избу искать ребят – съесть.

Змей спрашивает у ложек:

– Где ребята?

Ложки отвечают:

– Мы не скажем, где ребята.

228

Он спрашивает у миски:

– Миска, скажи, где ребята?

И миска ответила:

– Я не скажу, где ребята.

Он спрашивает у квашни:

– Скажи, где ребята спрятаны?

Квашня отвечает ему:

– Я не скажу, где ребята.

Кочерга сказала:

– Я скажу, где ребята, потому, что я на ихнюю мать сердита, что она меня в печке накалит и в лоханку садит. Мне трудно, я долго шиплю. Их, ребят, забрал бык круторогий.

Змей отвечает кочерге:

– Поздно мне в сарай итти к быку, я к ним завтра приду. Бык круторогий все это знал. Вот починается Иван – кузнецкий сын утром. Когда проснулся, бык рассказывает:

– Ну, Иван – кузнецкий сын, теперь нам зевать нечего. Ступай, забирай сколько у тебя есть денег и харчей и запрягай меня в телегу.

Иван – кузнецкий сын пошел и запрег этого быка в телегу и посадил в телегу свою маленькую сестренку.

Бык ему говорит:

– Захвати, Иван, с собой гребенку, которой волосы чешут и захвати брус, которым топор точат.

Иван – кузнецкий сын это все захватил и сел в телегу. Бык его и понес. Как сигнет – на сто девяносто верст враз донесет. Бык и кричит:

– Иван – кузнецкий сын, за нами погон идет, Змей догоняет, бросай гребень.

Иван кинул вверх гребень. Сделался густой лес, так что Змею пройти нельзя.

229

Пока Змей собрал людей и расчистил себе дорогу, они опять далеко уехали.

Тогда бык опять и говорит:

– Иван – кузнецкий сын, послухай-ка назад, за нами опять погон идет. Кидай брус в гору.¹

Тогда Иван – кузнецкий сын бросил брус, сделалась

¹ Бросай брус в гору, т. е. кидай брус вверх.

каменная гора. Они поскакали поживей. Приезжают они к огненному морю. Бык ему и рассказывает:

– Схватывай у меня носовой платок у рога и махай через море. Когда он схватил платок, махнул через море, сделался мост.

Они перескочили. Бык ему кричит:

– Схватывай скорее мост.

Иван – кузнецкий сын скорее схватил мост, а Змей прилетел сюда к морю и кричит с той стороны:

– Все равно, Иван – кузнецкий сын, ты из моих когтей не вывернешься.

Вот стояла здесь избушка пустая. Бык приютил их в эту избушку.

– Теперь мы спасены.

Пока у них харчей было, они питались этими харчами несколько времени. Бык все траву ел, а они ели свою норму, которая забрана была. Кончилась у их пища, что им уже кушать нечего, бык Ивану – кузнецкому сыну рассказывает:

– Иван – кузнецкий сын, ты возьми наточи нож повострей и зарежь меня и ешь мое мясо.

Ивану – кузнецкому сыну стало жалко и он стал плакать:

– Как же так, ты меня спас от смерти, а я буду тебя резать?

230

Бык отвечает ему так:

– Мы достойны этого, чтобы нас люди ели, а ты голодной смертью не помирай. Когда ты меня зарежешь, то знаешь стоит котел опруженный, вот я своим рогом подниму, а ты подклади такое полено, что тебе не поднять. Ну, требухи мои ты как-нибудь подтянешь сюда под котел, а потом опустишь котел, чтобы он наглухо закрылся и через трое суток посмотришь под этим котлом. А роги мои возьми под

избушку заткни, под крышу. Вот ты теперь, Иван – кузнецкий сын, свяжи меня покрепче, что когда мне будет больно, я без памяти ушибу тебя, а если я буду связан, то смело тогда будешь работать.

Иван – кузнецкий сын сделал так, как ему велел бык: требухи он затянул под котел, роги под крышу подторнул.

На третьи сутки ему надо поднять этот котел, а его бык учил так:

– Если у тебя сил нехватит, отруби дерево и подкопай ямочку и подклади чурачек (вагу) и поднимется котел.

Иван – кузнецкий сын взял топор и пошел в лес, отрубил вершка в три с половиной дерева сажени на 3 длины, свалил дуба и вот стал подымать и рассказывает:

– У нас дуб тяжелый, а здесь какой легкий.

Взял на плечи и понес. Приносит он к этому котлу, бросает свою вагу. Лопаты у него не было, начал руками подрывать ямку. Стал подкапывать ямку, у него поднимается котел и он подхватил котел без ваги. Оттуда выскакивают две собаки. И эти собаки стали кругом него виться. Иван – кузнецкий сын подумал, что это бык круторогий

231

дал помочь. Он бросился поживей смотреть рога, и две собаки за им. Он посмотрел: висят две двухстволки охотничьи с припасами и сумка.

Он пошел к своей сестре в избушку и говорит сестре:

– Мы, сестра, теперь заживем. Теперь у меня две собаки, две двухстволки и сумка со снарядами. Я могу отправиться на охоту.

Иван – кузнецкий сын отправился на охоту и начал разных бить птиц, зверей, так что у него пошло в ход, так что ему питаться было чем. Прожили они там три года. А

Змей все на той стороне ходит и приманивает красну девицу.

– Ты бы провела меня к себе на остров и веселей нам было б жить.

Она спрашивает:

– Как же я могу через огненное море провести?

А он рассказывает ей:

– У твоего брата есть носовой платок, когда он придет с охоты и ляжет отдыхать, ты возьми этот платок и махни через море и сделается мост, и я пройду к тебе.

Как кузнецкий сын пришел с охоты с своими собаками, пообедал, лег отдыхать, она взяла носовой платок у него, махнула – через море сделался мост. Змей перешел сюда и стал прятаться от Ивана – кузнецкого сына (Змей боялся силы Ивана – кузнеца и двух собак).

Прожили они несколько дней, может быть неделю, а может и месяц прожили. Иван – кузнецкий сын не знал, что у сестры есть уже любовник. Змей рассказывает:

– Если б не было собак, то я б его победил.

232

Змей надумал так: версты за три от избушки была волчица-богатырка. Эта богатырка сбивала за четверть версты человека духом (вот какая была богатырь!).

Змей сказал:

– Сделайся ты больной и когда он с охоты придет, скажи, что я заболела: подхватил меня ветер и я повалилася; пришла в избушку и легла на кровать и соснился мне сон, что вот в таком-то месте есть волчица-богатырка, эту волчицу убить, из-под ее груди принести молока и я выпью и поздоровею.

Иван – кузнецкий сын пообедал, берет свои припасы и отправляется в путь, как ему сестра сказала.

Когда он вышел, собаки побегли одна впереди, другая сзади. Волчица-богатырка в тое время спала. Собака подошла не только за четверть версты, а может быть за пять шагов. Иван – кузнецкий сын вынимает двухстволку свою, начал целиться в волчицу – убить. А волченята подскакивают к волчице (она не спала). Она и говорит:

– Иван – кузнецкий сын, что ты целишься в меня? Ты меня не убьешь, а только раздражишь, иди ко мне поближе, что надо тебе, то я дам.

Вот он приходит поближе к ей. Стал рассказывать, что вот у меня сестра заболела и соснился ей сон, чтобы с волчициной груди молока выпить и она поздоровеет.

– Знаю, знаю, что она больная, – ответила волчица, – А есть у тебя пузырек?

Иван – кузнецкий сын ответил:

– Есть.

– Ну, возьми, надой молока с моей груди и дай сестре попить.

233

Иван – кузнецкий сын надоил молока пузырек.

– Вот, Иван – кузнецкий сын, на тебе моего сына волченка-богатыренка в помощь тебе.

Она приказала сыну:

– Смотри, как дорожил ты моей грудью, так чтобы ты дорожил Иваном – кузнецким сыном, так что это будет твой хозяин.

Иван – кузнецкий сын отправился домой. Волченочок подходит к Ивану – кузнецкому сыну и говорит:

– Садись на меня, не все тебе пешком ходить.

– Ха, ха, есть подвода!

Иван – кузнецкий сын поехал на волку. Подъезжает к

своей избе. Остановился. Иван – кузнецкий сын слез. Змей увидал его и говорит:

– Видишь, надо спрятаться. Волчица-богатырка дала ему помочь.

Змей сделался прусаком, забрался в шелку кровати и сидит там.

Иван подает своей сестре пузырек молока. Она взяла.

– Ну, я выпью, – говорит.

Она этот пузырек спрятала и на несколько время вроде, как заснула. На второй день стала здорова и говорит брату:

– Вот, брат, молоко пособило.

Брат сказал:

– Ну, и ладно, слава богу.

На третий день брат приходит с охоты, она опять больная. Сестра и говорит, как Змей учил:

– Ветер подхватил и я опять заболела. И вот соснился мне сон, что есть вот за этой Волчицей-богатыркой медведица-богатырка, надо убить ее и из-под грудей ее взять молока.

234

– А что нам, долго ее убить? – Пойду и убью.

Иван – кузнецкий сын отправился к медведице-богатырке, бить ее. Волк говорит Ивану – кузнецкому сыну:

– Садись на меня, я знаю, где она живет. Мы с матерью прохаживали туда.

Иван – кузнецкий сын садится на волка, и собаки сзади. И волк потащил его к этой медведице-богатырке.

Когда волк приносит к медведице, шагов на десять остановился и говорит Ивану – кузнецкому сыну:

– Ты не стреляй, а пойд и поклонися ей.

Медведица встала и говорит:

– Подойди, подойди, Иван – кузнецкий сын, поближе и

спроси чего тебе надо.

Иван – кузнецкий сын подходит ближе и говорит, что его сестра больная тебя убить велела и из-под твоей груди молока взять.

– Пожалуйста, Иван – кузнецкий сын, бери молока из моей груди, она выздоровеет.

Вот он взял молока и она ему говорит:

– На тебе моего сына в помочь, медвеженка-богатыренка, и приказывает сыну:

– Как радел к моей груди, так чтобы к Ивану– кузнецкому сыну радеть и береги его, это твой хозяин.

Когда он поблагодарил медведицу, то подскакивает медведь и садит своего хозяина на спину и несет его к избушке. Собаки и волк сзади его.

Иван – кузнецкий сын приезжает на медведе. Медведь остановился шагах в тридцати от избушки. Иван – кузнецкий сын слез с медведя. Медведь пошел впереди в избушку. Иван – кузнецкий сын

235

за медведем, а собаки и волк вслед за Иваном. Змей увидал из окошка, сделался тараканом и спрятался.

Когда пришел Иван – кузнецкий сын в избу, сестра и говорит:

– На кой чорт ты медведя взял?

– А раз дают – надо брать. В лесе нам не худо жить. Все-таки есть теперь у меня четверо. На тебе молока.

Она молоко взяла, а медведь через койку лапой начал доставать что-то из щели.

Она:

– Чего он сюда привязался?

Иван – кузнецкий сын крикнул на медведя:

– На место!

Медведь буркнул и пошел и лег к порогу.

Она пила или не пила молока – на второй день стала здорова. Живет она в прекрасном виде. Вроде как ничего не было. Брат приходит с охоты. Через несколько дней сестра обратным путем больна сделалась.

Брат спрашивает ее:

– Что ты, сестра?

– Я опять заболела, вышла на тое место, меня ветер подхватил и я еле в избу вошла и призаснула; и соснился мне сон, что вот в таком-то месте есть львиха-богатырка, ее убить, из-под ее груди молока принести и тогда я век больна не буду.

Иван – кузнецкий сын много не разговаривает, берет своих слуг и отправился убивать львиху-богатырку.

Медведь ему сказывает:

– Садись, хозяин, на меня, я знаю, где живет она. Мы когда-то с матерью прохаживали там.

Вот медведь и понес Ивана. Приехали они живчиком

236

туда, а львиха не допускала к себе, за полторы версты духом сбивала.

Когда львиха узнала, что хочет Иван – кузнецкий сын, она притворилась, вроде спит.

Медведь подвозит его так шагов на пятнадцать ко львице и остановился. Он берет палку и ломает ее в своих руках, чтоб затрещала палка (взял палочку немалую, вершка в три) и так ломанул, даже по лесу гул пошел.

Львиха просыпается.

– Эй, кто ко мне подошел?

Иван – кузнецкий сын целится в ее, как убивать. Она

говорит:

– Эх, Иван – кузнецкий сын, ты не убьешь меня, а только раздражишь меня, а что надо, приди и попроси у меня.

Иван – кузнецкий сын подходит к львице и поклонился ей.

– Вот, – говорит, – у меня сестра заболела. Соснился ей сон, что с вашей груди молока выпить – она никогда болеть не будет.

– Да, выпьет и болеть не будет. На, тебе, Иван – кузнецкий сын, львенка-богатыренка. Смотри, богатыренко, как радел моей груди, так и радей Ивану – кузнецкому сыну. И смотри, если случится чего, то вы добра не дожидаете от нас. Вы должны караулить его.

Иван – кузнецкий сын поблагодарил львицу, поклонился ей.

Она отвечает:

– Теперь охрана у тебя хороша. Теперь тебя никто не может уничтожить.¹

237

Иван – кузнецкий сын отправился домой.

Богатыренко-львенок подходит.

– Ну, садись, хозяин, на меня, я сильнее всех.

Когда приехал Иван – кузнецкий сын домой, Змей уже караулил его, видит, что он уже на льве едет, он и рассказывает ей:

– Тут, знать, делать нечего, и львица дала помочь ему большую.

Змей в избушке не остался, а выпрыгнул в окошко. Но медведь все-таки идет впереди в избу. Когда вошел медведь в избу, остановился на пороге. Сестра сказала ему:

– На кой же чорт ты еще взял его? Надо все же кормить.

¹ В смысле победить.

Иван – кузнецкий сын ответил:

– Если будет четверым, то и пятому хватит.

Подает ей молоко.

– Ну, теперь я больна не буду.

Неизвестно, молоко она пила или не пила, на второй день она стала, так, как и ничего не было. Живет он неделю, живет две. Змей придумал, как его извести. Он рассказывает – Змей:

– Я достану такого лекарства,¹ что они поедят и все околеют.

Таким образом они сделали, наготовили эту пищу.

Приходит Иван – кузнецкий сын с охоты, сестра и говорит:

– Я наготовила пищи – обедайте.

Вынимает горшки. Медведь подходит, отпихивает ее от пищи, и достает эту пищу и выбрасывает на улицу.

238

Сестра говорит:

– Что я готовила, то он выкидал.

Когда она сказала, то брат отвечал:

– Выкидал, никто не будет есть.

Видит Змей, что никак его не проведешь им. Они второй раз приготовили ему самую „музыку“. И второй раз медведь выкидал эту пищу. Змей и рассказывает ей:

– Теперь трудно с им справиться, потому, что он силен теперь. С одним бы я справился, а вот с прислугами не справлюсь. Я теперь, – говорит, – буду делаться зайчиком, они меня поймать не смогут.

Он сделался зайчиком и постоянно сидит на окошке.

– Когда он будет идти с охоты, я выскочу в окошко и побегу, а ты бранись с братом, чтобы он разогнал своих

¹ Лекарство здесь означает отраву.

прислуг.

Она так и сделала, а брат сказал:

– Ну, чорт с ним с зайчиком, а прислуг своих я не погоню.

Раза три-четыре он приходил, а этот зайчик все улетал, как только он идет. Брат рассердился, послал своих прислуг:

– Поймать зайца и разорвать!

А Змей сказал сестре:

– Я их загоню далеко отсюда и загоню их за двенадцать железных дверей, а сам в окошко свистну и тогда я с ним распоряжуся, а им больше оттуда не вернуться.

Они побежали за этим зайцем, Иван остался один с сестрой.

Загоняет Змей зверей за двенадцать дверей, прилетает сюда и говорит ему:

239

– Иван – кузнецкий сын, я тебе на том берегу моря сказывал, – ты с моих когтей не выйдешь, а теперь твоих прислуг не видать больше, я их загнал далеко, за двенадцать железных дверей.

Иван – кузнецкий сын говорит ему:

– Ну, так что ж, нечистая сила, отца зевал,¹ мать зевал, меня будешь доедать. Только дай мне вытопить баню, чтоб помыться, и ешь ты мое мясо чистое (Иван надеялся на возврат зверей).

Змей сказал:

– Топи баню. Время у нас терпит. Мойся, ты никуда от меня не уйдешь.

Он берет дрова, затапливает баню. Прилетает к нему черный ворон и говорит:

– Иван – кузнецкий сын, твои слуги уже двое дверей

¹ Съел.

разбили. Топи баню помедленнее. Клади сырые дрова, а я полечу туда и скажу, что ты еще живой, топишь баню.

Ворон черный отправился туда. Иван – кузнецкий сын повеселее стал немножко.

Черный ворон прилетает, сказывает им, что их хозяин живой – топит баню. А звери уже сломали шесть дверей.

Обратно прилетает черный ворон. Иван – кузнецкий сын чуть баню уже не вытопил.

Ворон сказал ему:

– Теперь можешь мыться. Они там работают, когда помоешься, то скажи: „Дайте перед смертью хоть богу помолиться“.

Он помылся, приходит Змей с сестрой сюда в баню:

– Ну, что, – говорит, – шурин, помылся?

240

– Да, – говорит, вымылся, нечистая сила. Теперь дай перед смертью помолиться богу.

Он сказал:

– Молись хоть сутки, с моих когтей не уйдешь.

Он стал на коленки и молится богу. Сестре стало тошно, она и говорит:

– Бери его хоть с молитвы.

– Я его с молитвы не могу взять.

– Ну, так я с молитвы столкну.

Она подходит и начала толкать. Толкала, толкала, да где взять богатыря. И не может его столкнуть.

Змей говорит:

– Пусть молится, никуда не денется.

Вдруг прилетают прислуги и тихим образом медведя посылают на крышу, на трубу встать.

– А ты, волк, с собаками, становись у окошка, а лев пойдет

к двери.

Лев открыл двери – Змею деться некуда. Он бросился в трубу улететь, а там Миша сидит. Когда он стал вылезать из трубы, медведь его схватил в свои когти и закричал:

– Поддержайте меня, я держу!

Тут выскочил волк и лев. Поддержали его. Ивану – кузнецкому сыну не пришлось и вдарить. Они разорвали его в куски.

Сестра увидала, что Змея разорвали, что и ей достанется, стала просить:

– Прости, брат, мою вину, я не сама, а по его словам делала, я боялась его.

Медведь подскочил, хотел разорвать сестру, брат сожалел и сказал:

– Останься.

241

Она осталась.

Они Змея взяли на огне опалили и по ветру распустили. И стали они проживать обратным путем, как жили.

Тут, может, проходит полгода, живут они хорошо с сестрой, а сестре все тошно по Змею. Она стала пепел собирать и класть в кучку, и он обратным путем сделался Змеем.

Тогда Змей и рассказывает:

– Плохо брата твоего провести, но я достану средства иначе. Я достану такой зуб ярый, положим его под подушку. Он нагреется от головы, ему в голову влезет и он кончится.

Вот Змей достал зуб ярый, Иван приходит, ложится спать. Ворочался Иван. Нагревалась подушка и нагревался зуб, и попал зуб ему в заднее темя и он кончился.

Тогда Змей его берет в окошко и выносит его верст за пять от этой избушки, выкопал яму и зарыл его в эту яму.

На завтра прочинаются его прислуги.

– Что хозяина долго нету?

Входит в избу медведь, а хозяина и духу нету. Он стал нюхать окошко (когда Змей выходил в окошко, то клал его на окошко).

– На чем не стать, а его надо разыскать, – сказал медведь льву, – он теперь не живой уже.

И рассыпались они по всем местам искать хозяина, и кто найдет – подавай голос.

На могилу Ивана – сына кузнецкого нарвался медведь и видит, что он зарыт глубоко, и он закричал своим богатырским голосом. Он кричит и землю роет. Является к нему лев. Стали работать

242

они вдвоем и вдвоем кричат. Явился волк и собака, и достали они своего хозяина из земли.

Когда достали они его из земли, то начали рыдать и плакать. Явилась к ним волчица-богатырка.

– Что ж ты пошел за Иваном – кузнецким сыном и не уберег его?

Явилась медведица. Медведица тоже на сына ругалась:

– Как же ты пошел с Иваном – сыном кузнецким и не уберег его?

Явилась львица сюда, и львица стала на них кричать на всех, что не уберегли хозяина.

Когда его помыли и стали его хоронить, то стали плакать и реветь по нему. Услыхала лисица-богатырка этот голос и прибегла к ним и спрашивает у них:

– Чего это наделали вы большой шорох во всем лесу?

Львица отвечает лисице:

– Вот, не могли укараулить Ивана – кузнецкого сына и вот

по нем рыдаем.

Лисица кругом оббегла его и говорит им:

– А его можно оживить.

– А как его оживить?

– А так, что придется легчи в эту яму кому-нибудь из вас.

Медведь взялся за нее:

– Если оживишь, то живую тебя отпустим, и будешь ты у нас приятелка, а если не оживишь, значит тебя не отпустим.

Она рассказывает:

– Льву легчи – жалко, медведю – жалко, волку – жалко, собаку – жалко. А вот поймайте живого зайца и он оживит.

243

Вот они махнули по лесу и поймали зайца.

Заяц плачет:

– Что вы с меня хотите?

Они зайцу отвечают:

– Ты нам сослужи одну службу, что скажет тебе лисица.

Заяц поскакал за ними вслед.

Когда они пришли на это место, Иван – кузнецкий сын лежал мертвый. Лисица-богатырка велит его покласть лицом на землю.

– А ты, заяц, лижи вот это место у головы. Заяц стал лизать его тело, где зуб был. Этот зуб согрелся и скочил зайцу в рот. Тут Иван – кузнецкий сын живой стал, а заяц стал мертвый.

Иван – кузнецкий сын говорит:

– Как я долго спал.

А левиха отвечает:

– Да, Иван – кузнецкий сын, скажи спасибо лисице-богатырке, а то бы ты на век спал.

Вот они зайца закопали в землю на Иваново место.

Змей слышал, что зверей целые сутки не было. Опасался и вот они с сестрой и похаживают.

Иван – кузнецкий сын отправляется в избушку, пятерик¹ отправляется впереди Ивана – схватить Змея. И вот, когда они пришли, то медведь обратным путем полез на крышу на трубу, волк пошел к двери, а лев стал у окошка.

Змей видел, как волк идет, он скочил в окошко, а лев его поймал:

– Стой, – говорит, – не уйдешь!

244

Они обратным путем разорвали Змея, опалили, но по ветру не пустили. Выкопали яму в две сажени глубины и этот пепел закопали в яму.

Сестра обратным путем стала плакать перед братом.

– Прости мне эту вину.

А медведь рассказывает:

– Нет, мы не простим.

Все-таки он сожалел обратным путем сестру, то они (звери) сказали так:

– Мы вкопаем ее живую в землю по груди на этом месте, где Змей. И поставим два котла рядом. Один котел будем змеев, другой котел Ивана – кузнецкого сына. Если она будет плакать в змеев котел – пусть она тут и останется. Если в твой котел станет плакать, то ее выручим. А самим нам тут делать нечего, в лесе жить, надо пробираться к городу ближе.

Они оставили сестру Ивана – кузнецкого сына здесь, а сами отправились в ход.

Шли они мало, аль много, подходят они: стоит гора из земли, и эта гора в круговую так будет метров на тридцать.

¹ Пятерик, т. е. помощники, 5 зверей.

Медведь и рассказывает:

– Здесь, в этой горе, надо нам добычу взять. Ступайте, становитесь и прятайтесь. Здесь должна старуха проходить, несть корму жеребцу – богатырскому. Кто увидит, когда она будет давать жеребцу корму и пойдет, то бежи в круговую и сзывай своих в тое место, где она была.

Медведь увидел. Побег искать своего хозяина. Хозяина нашел и поставил его на тое место, где дырка, куда вошла старуха. Потом побежал кругом обирать своих. Пришли. Там жеребец стоял на цепу

245

богатырский. Когда дверь открылась, жеребец бросился на улицу. Медведь хозяину сообщил, чтобы хозяин крикнул:

– Стой перед мной, – и жеребец встанет.

Иван – кузнецкий сын крикнул так на жеребца, жеребец остановился. Медведь вскакивает в склеп, тягнет богатырское седло. А лев тащит в зубах богатырский меч. Одевает Ивану – кузнецкому сыну богатырскую одежду, меч богатырский. Оседлали коня и уехали в город.

У Ивана – кузнецкого сына денег была куча.

Приезжает Иван в город. В среди города встать ему неловко. На краю города стоит избушка, он в этой избушке остановился. Заходит в нее и говорит:

– Здравствуй, бабушка. – Я пришел к тебе попроситься на квартиру, бабушка.

– А ты кто есть такой? – говорит.

– Да я, – говорит, – охотник, зверей убиваю, так вот с краю города мне к лесу ближе.

Она и говорит:

– Можно.

Он говорит:

– У меня есть пять прислуг, и мои прислуги смирные. Человека не обидают. А у бабушки сарайчик есть поставить лошадь.

Бабушка ему сказала:

– Можно.

Когда он поставил лошадь, идет в избу с своими прислугами, а бабушка сидит на печке.

Увидала бабушка этих прислуг его и на печке чуть не обомлела. Он и говорит:

– Бабушка, не пугайся, Миша, возьми бабушку с печки, посади за стол.

246

Миша подходит, берет бабушку тихохонько и садит за стол.

Открывает Иван свой мешок, открывает кушанья и приглашает бабушку.

– Кушай, бабушка. А что надо, они тебе все сделают, что ни скажешь, а бояться их нельзя, не надо.

Бабушка тут покушала, посмелела немножко.

– Что же, бабушка, у тебя ничего такого нету?

– Нет, ничего нету.

– На тебе, бабушка, сто рублей, иди на базар, закупи там всего и найми извозчика, и привезешь. И на тебе еще пол сотни, купи живую скотинину: корову, али быка, а бойщики у меня свои.

Бабушка пошла, накупила хлеба, харчей разных. Купила корову за двадцать пять рублей. Приезжает, корову приводит и подает ему семьдесят рублей назад денег. Он и говорит:

– Это, бабушка, тебе за труды.

Бабушка тут израдовалась, что бог дал такого постояльца. Они эту корову убили, кожу содрали целиком и начали

проживать. Иван – кузнечный сын на охоту не ездил. Сидел в избе с прислугами и бабушкой.

Один раз в прекрасное время Иван – кузнецкий сын рассказывает:

– Ты в церковь не ходишь?

– Хожу, голубчик.

– Так вот, – говорит, – отправься в церковь, походи по базару, послухай, что в городе делается.

Бабушка отправилась.

Приходит бабушка оттудова и говорит:

– Вот, что, голубчик, Змей шестиглавной требует государскую старшую дочь на поедание.

247

Если государь не пошлет дочки своей на поедание, то он сожжет все царство.

– А в какое время, бабушка?

– Да вот, завтра в двенадцать часов дня.

– Ну, что же, бабушка, ничего не сделаешь. Придется нам уехать с этого царства.

Они проночевали.

– Бабушка, – говорит, – я поеду на охоту.

– Отправляйся с богом, – бабушка ответила ему.

Иван – кузнецкий сын половина двенадцатого седлает своего доброго коня и поезжает со своими прислугами на то место, где повезут царскую дочь.

Царскую дочь привезли. Там беседка была устроена для съедания. Там ее приковали цепями к этой беседке и попрощались все и отправился народ оттудова, как похоронили ее.

Народ видит, что Иван – кузнецкий сын едет, то они все вниз пали и сказали, что, мол, едет Змей.

Иван – кузнецкий сын приезжает в город к беседке,

государская дочь плачет. Он спрашивает ее:

– Что, прекрасная царевна, ты плачешь?

– Как же мне не плакать? Что же ты меня потешаешь, нечистая сила? Приехал меня поести.

– Нет, прекрасная царевна, я не приехал тебя посети, я приехал тебя сбавить от проклятого Змея.

Подходит к ей, разрывает цепи и освобождает ее от цепей.

– Теперь, сиди, пока придет Змей.

Он сидит и беседует с ей.

Вдруг является шестиглавый Змей с моря и говорит:

248

– Вот так государь милостив, я просил одну прислать, а он прислал восемь штук: коня, зверей пять и их. Будет выпить и закусить.

А Иван говорит:

– А может, нечистая сила, и выпивкой подавишься?

Змей и говорит:

– Мне таких противников и близко нету, чтобы могли со мною владеть. А есть, – говорит, – где-то Иван – кузнецкий сын, от быка имеет небольшую силу, но он мелко плавает со мной бороться и его сюда ворон костей не принесет.

А Иван говорит:

– Ворон костей не приносит, а сам молодец приходит.

– Так, – говорит, – ты Иван – кузнецкий сын?

– Да, – говорит, – я Иван – кузнецкий сын.

– Ну, так что же, – говорит змей, – будем биться, аль мириться?

– Нет, – говорит, нечистая сила, ты пришел людей поедать, а я пришел царскую дочь спасать, так миру никакого у нас нет.

Змей, видя, его такую свиту, хотел лизнуть в море назад, но его уже опружили.¹ Медведь берется за его, волк за его, лев

¹ Окружили.

за его, а Иван только шашкой головы снимает с плеч.

Когда он с него снял шесть голов, то он велел поднять большой камень и эти головы под камень поклал, а языки вырезал и поклал на камень. Тогда государская дочь дает ему заручальное кольцо и снимает свой шелковый плат и рвет на шесть частей

249

и вешает каждому на шею ленту в заслугу, и зовет его на пару стаканов чаю.

А он ей говорит:

– Спасибо за твой чай, мне надо спешить в другое место, еще одну душу спасти, а ты отправляйся домой.

Когда он сел на своего доброго коня, мигом уехал к старухе. Старуха спрашивает у него:

– Ну, что поохотился?

– Да, бабушка поохотился.

... А государь выбрал смелого человека, чтобы смотрел, как будет Змей поедать дочку. Нашелся такой смелый – цыган. Он увидал, что Иван уехал, подходит к царевне и рассказывает ей:

– Скажи, что я тебя освободил, что я Змея убил.

И она говорит:

– Как я скажу, когда меня такой-то освободил?

– А если ты не скажешь, то я тебя убью и в море брошу, – скажу, что Змей съел.

Она видит, что такая беда. От одного сбыла, другой наваливается.

Он ей говорит:

– Поклянися, что ты это скажешь.

Она села на коленках и поклялася, что скажет, что он Змея убил.

Цыган ее подмышку и повел домой.

Приходят и царевна заявляет отцу:

– Этот меня спас, сбавил, убил Змея. Теперь мне за его

замуж выйти.

Проходят сутки, проходят другие. Там на третьи сутки Змей пишет девятиглавый, чтоб прислал государь среднюю дочку на поедание.

250

Вывешены были жалобные флаги, во всех церквах были звоны. Звонили, отпевали государскую дочь на тот свет.

Ивану бабушка все ходит по базару пронюхивает. Пришла бабушка и рассказывает:

– Одного Змея убил цыган, освободил, а теперь от девятиглавого освободит государскую дочь, али нет?

– Если, – говорит Иван, – бил он шестиглавого, то убьет и девятиглавого. А во сколько часов поведут ее?

– Да тоже, – говорит, – в двенадцать.

– Ну, вот, бабушка, я отправляюсь на охоту.

Опять отправился на тое место, в тую беседку, где была старшая дочь закована. Цыган этой публике говорит:

– Я буду на дубу. Когда Змей будет итти, то я слезу с дуба и схвачусь с им.

Ну, вот, когда публика шла, Иван – кузнецкий сын ехал, публика испугалась, думали, что Змей, и вся упала. Он приезжает и средней царевне. Царевна говорит:

– Чего же, молодой человек, приехал сюда?

– Да вот, – говорит, – избавить тебя.

– Сестру мою избавил цыган, а теперь я вижу, что это не цыган избавил, а избавил ты.

И она берет шелковый платок и хотела его рвать.

– Нет, – говорит, – не рви, когда заслужу, тогда порвешь и повесишь.

Девятиглавый Змей приходит с моря и крикнул:

– Как государь милостлив. Я требовал одну душу, а он прислал мне восемь. Будет выпить и закусить.

251

Иван сказал:

– Может, нечистая сила, одной выпивкой подавишься, а закуски, может, и не придется кушать.

Тогда Змей узнал, что это Иван – кузнецкий сын.

– Ну, что же, Иван – кузнецкий сын, будем биться, аль мириться?

– Нет, – говорит, – будем биться. Кому царевна достанется. Змей хотел уже за море махнуть.

– Ты, – говорит, – брата моего убил, а со мной, – говорит, – поскачешь (страх задает Ивану – кузнецкому сыну).

А слуги уже обошли, стали поближе вокруг него. Иван крикнул:

– Берите его!

Его тут и схватили: кто скребет,¹ кто что, а Иван головы снимает.

Когда он его убил, подымает тяжелый камень; под камень кладет головы, а языки на камень. Средняя дочь дает ему заручальное кольцо, рвет платок, весит каждому ленту и зовет его на пару стаканов чаю к отцу, а он отвечает ей так же, как и старшей отвечал:

– Мне некогда.

Он сказал еще:

– Я завернусь к дубу, а ты ступай домой, и пусть тебя цыган ведет домой, и ты скажи, что он освободил тебя.

Он подъезжает к дубу и кричит:

– Ну-ка, вояка, слезай-ка с дуба.

А он отвечает:

– Что хочешь, а с дуба не полезу.

– Не полезешь, тогда скатишься, что гороховина с дуба.

Иван сказал:

¹ Царапает.

– Миша, ну-ка, тряхни дуба, чтобы он скатился, да и поддержите, чтоб не убился.

Миша дуб тряхнул, цыган с дуба покатился, Миша до земли не допустил, в лапы себе захватил. А Иван, сидючи на лошади, подъезжает к нему и ударил его плеткой по спине, но так, что у него рубец сделался и сказал ему:

– Что ж ты, вояка, воюешь, а никакого знака нету. Так вот тебе знак, пусть доктора лечут, и бери государственную дочь и сказывай, что ты освободил ее.

Цыган так и сделал. Царская дочь поклялась цыгану сказать, что цыган спас. Он ее подмышку и приходит домой и сказал, что я больной, Змей ударил. Тут ему стали делать перевязки.

Проходит три дня, государственная дочь пошептывает себе, а меньшая дочь не знает.

Через три дня Змей двенадцатиглавый пишет, чтоб государь прислал дочку меньшую на поедение, а если не пришлет, то все царство огнем сожжет.

В такое-то время обратным путем отправляют двенадцатиглавному Змею на поеданье меньшую царскую дочку.

Бабушка Ивану сказывает:

– Цыган освободил и вторую дочь, а как он победит двенадцатиглавого?

– Освободил тую, освободит и эту.

Обратным путем садится он на свою лошадь и отправляется к морю. Государственная дочь была уже прикована. Он приезжает и говорит:

253

– Здравствуй, здравствуй, прекрасная царевна.

– Здравствуй, молодой человек. Я вижу, что это не цыган освободил моих сестер, а это, – говорит, – вы.

Он разрывает цепи и разговаривает с ней.

Вдруг вылезит Змей двенадцатиглавый.

– Ну, что-ж, Иван – кузнецкий сын, убил моих братьев, но меня не убьешь.

А Иван отвечает:

– Как придется.

– Ну, что ж, будем биться, аль мириться?

– Верно будем биться. Видишь, круговая тебе поставлена стража, чтоб ты не мог назад в море скочить – давай, – говорит, – биться.

А на слуг крикнул:

– Берите его!

Вот его и взяли: кто рвет, кто скребет, а Иван – кузнецкий сын, только головы снимает. Вот и этого убил, головы под камень, а языки на камень положил. Царевна дает ему зарученное кольцо и рвет платок, вешает на их ленты.

Иван сказал:

– Пусть цыган ведет тебя домой.

Цыган с дуба слез и дожидает у дуба (все равно оттуда стащат). Иван подъезжает, рассказывает:

– Ты, цыган, можешь жениться на старшей дочке (был милостливый такой).

Таким способом цыган и эту взял, и царевна поклялась сказать отцу, что освободил ее цыган.

Прошло дня три или четыре – от Ивана ничего не слышно. Цыган уже захотел жениться и взять меньшую дочку замуж. Государь стал уже к свадьбе готовиться, объявлять, что будет свадьба. В газетах

254

было пропущено, что такой-то будет жениться и такого то числа будет свадьба.

Сидит Иван – кузнецкий сын и говорит:

– Эх ты, волк, сходил бы, государевой стряпни принес, а ты, лев и медведь, пошли бы к государю на свадьбу.

Они отправились все трое.

Отправились они к государю прямо во дворец и прямо на кухню, где готовят. И повара и лакеи – все убежали. Медведь берет всю эту стряпню, кладет в салфетку, вяжет, и волк отправился со стряпней к Ивану. Все забоялись, но государские дочки не боялись и пособляли увязывать все им, и говорят отцу:

– Это наши избавители.

И льву навязали, и лев пошел, и медведю навязали и медведь пошел.

Государь поставил стражу: куда они могут выйти? И куда снести? Где их хозяин?

Когда стража была расставлена, Иван посылает прислугу обратным путем к государю снова за стряпней. И слугам обратно навязали стряпни, а они сказали:

– На конце города в избушке находится царевнин избавитель. Государь взял и послал министра с каретой, чтобы взять его. Министр приезжает. Когда карета подошла, Иван говорит:

– Миша, поди, министра возьми и веди в избу.

Миша приходит, открывает карету, берет министра и ведет в избу. Кузнецкий сын достает закуску, бутылку коньяку и говорит:

– Вот это свадебная закуска и выпивка.

Министр обомлел.

255

Потом министр говорит:

– Государь просит, чтобы вы приехали к нему во дворец.

А он отвечает:

– Что небольшой господин и государь ваш, пусть приедет, запряжет шесть лошадей, а на одной я не поеду.

Министр поехал и доложил государю. Государь велел шестерых лошадей запрести и с кучером, и приезжает сам сюда к этой старой избушке. Иван – кузнецкий сын велит Мише идти и вести государя в избу. Миша идет и государя

ведет.

Иван – кузнецкий сын предложил государю сести за стол. Государь сел (ну, да куда денешься?!). Наливает государю стопку коньяку и себе.

– Ну, давай, выпьем свадебного.

Государь хоть морщился, а выпить надо.

Он наливает другую (для смелости).

Государь говорит.

– Довольно.

– Да выпейте, смелей будет ехать.

Государь выпил и он выпил.

Иван спрашивает:

– А что у вас – лошади хорошие?

– Да ничего, – говорит, – неужто нас двоих не свезут?

– Да мы не вдвоем поедем.

Вот они вышли к лошадям, он велит:

– Ты, волк, показывай дорогу – вперед бежи, а ты, лев, забирайся на карету, чтоб карета не шаталась, а ты, Миша, садись за кучера, а ты, собака, садись на мою лошадь, а другая, полезай с нами в карету.

256

Посадил он государя. Миша на кучерское место садится. Миша берет кучера и сажает его в карету, вместе с государем.

– Ну, а ты, бабушка, прощай, я тебя не забуду.

Они отправились. Миша, как сел, взял возжи, да свистнул, кони и понеслись, карета ходуном не ходила – лев сидел на карете и карету поддерживал.

Когда они подъезжают к дворцу, государь говорит:

– Не сдержать твоему кучеру лошадей, мимо проедем.

Иван – кузнецкий сын отвечает:

– Не проедем мимо, как раз у крыльца станем. Когда подъезжали к крыльцу, медведь возжи натянул, лошади упали, карета на них наехала. Миша слазит с козлов,

открывает карету и ссаживает своего хозяина, а также и государя. А карета и лошади остались здесь. И лев слез с кареты и собака с лошади слезла. Лошадей убрали на конюшню. А они отправились в избу. Тут видят: цыган сидит (как же – зять государский).

Иван рассказывает цыгану:

– Что я тебе рассказывал – женись на старшей дочке, а ты захотел мою невесту взять, младшую. Я тебе делать ничего не буду, только дам я тебе задачу большую: добежать все бегом до квартиры, где я был.

– Пробегу, батенька.

Когда побег цыган, Иван – кузнецкий сын направляет медведя вслед и наказывает:

– Когда где остановится, то кидай ты его через третий этаж дома, чтобы его и кости измялись.

Цыган бег, бег, устал и пошел шагом. Подскакивает медведь и бросает его через третий этаж

257

дома. Цыган убился, медведь вернулся назад, сказал хозяину:

– Кончил.

Иван – кузнецкий сын женился на младшей дочке и стал царствовать.

Прожил он месяц, захотелось ему поехать к своей сестре. Когда приехал к сестре, сестра была еще живая и натопила полный котел змеев. Так он ее там и оставил.

Там я был, мед, вино на свадьбе пил, в рот не было, по бороде не текло, и дали мне блин, который трое суток в кадушке гнил. Ну, я там видел, что бабы пекут свежи блины. Мне захотелось свежего блина взять. Бабы меня кочережкой гнать. Мне деваться некуда было бегти, ворота были заперты...

Тут и сказки конец.

СОВА И СЫЧ

Жила сова в лесе. Она летит и видит – замерзла птица, и она подлетает и смотрит на нее и говорит:

– Это нашей породы, совяненок маленький.

И тащит к себе в гнездо и начала его кормить.

Продержала она его неделю. Носит корму. А он преспокойно сидит в гнезде.

Однажды прилетает сова, берет его под крыло и согревает его, и говорит она:

– Какой сегодня крепкий мороз.

А он отвечает под крылом ее:

– Это не мороз, а еще будет мороз. Вот подойдут рождественские морозы, вот тогда и скажешь, что мороз.

Сова и спрашивает:

– Почему ты знаешь?

– Как же я не знаю. Я уже семь лет живу на свете.

– Кто же ты такой есть? – она спрашивает.

– Да я есть сич.

– А я думала, что ты сова маленькая. Вот я сожалела и питала тебя, а ты старше меня, ты больше знаешь. Так иди-ка, голубчик, из моего гнезда.

Взяла и выкинула его.

Сич полетел искать себе новое место.

ВОЛК, ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Ну, вот, устроена была волковня.

Летел журавль и хотел опуститься покормиться и попал в

эту волковню (яму, застеленную хворостом, чтобы не заметно было).

Вот и сидит. Он поднимался вылететь оттуда, как поднимется до этого хворосту, то никак не пролезет, и опять назад.

Тут попал и волк в эту волковню, и лисица попала. Вот они сидят и думают, что они уже пропали все тут. Ну, а лиса говорит:

– А я жива остануся.

– Как же ты останешься жива? – они спрашивают.

– Дело мое.

Волк отвечает ей, лисе:

– Мы, сейчас, кумушка, все трое пропадем. Не надо было сюда попадать.

Лиса и замолчала, а свою думу думает, как спастись. Лиса слышит, кто-то идет. Лиса падает на землю, вытягивает свой длинный хвост и растягивает ноги, выскалала зубы и лежит мертвая вроде как.

Вот приходит хозяин, который делал волковню.

260

– Смотри-ка, и журавль попался сюда в яму, да и волк тут, да вон и лиса лежит.

Он и говорит:

– Волк с лисицей не поладился. Вишь, лису загрыз, лиса уже околела.

Охотник заряжает ружье и бьет волка. Потом кладет помельче патрон, убивает журавля.

– Ну, теперь полезу туда в яму, нужно вытягать их из ямы.

Он и говорит:

– Ах, бедная лиса, не пришлось мне снаряду своего тратить на тебя. Тебя и так волк загрыз.

Берет лису и выкидает, а лиса схватила, да и побегла, и сказала:

– Я говорила, что буду жива, живая и осталась.

Тогда мужик сказал:

– Да, лиса хитра, ишь, как обделала она меня. Даже не придумать. Было счастье, да улетело.

Ну, с волка кожу снял, а журавля понес домой, сварил, да съел, и охота кончилась.